

ВАКХЪ СИДОРОВЪ ЧАЙКИНЪ,

или

РАЗСКАЗЪ ЕГО О СОБСТВЕННОМЪ СВОЕМЪ ЖИТЬѢ–БЫТЬѢ, ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ ЖИЗНИ СВОЕЙ

Не думаю, чтобы жизнь моя и большая часть того, что относится къ личности моей, заслуживали большаго вниманія, но увѣренъ, что уроки, которыми надѣляла меня судьба постоянно втеченіи тридцати лѣтъ, считая съ самаго дня рожденія моего, могутъ быть поучительны, не для меня, а для всѣхъ, если бы только они могли врѣзаться другому въ голову и въ сердце какъ мнѣ; увѣренъ также, что спознаться съ людьми, которыхъ случилось мнѣ разсмотрѣть очень близко, никому не мѣшаетъ, а многимъ будетъ и очень кстати. Первые тридцать лѣтъ жизни моей были рѣзки въ очеркахъ и пестры красками: хотя и самъ я человѣкъ темный, какъ вы сейчасъ

это увидите; но не ищите въ запискахъ живаго человѣка повѣсти или романа, то есть, сочиненія, это родъ живыхъ картинъ, изъ коихъ не многія только, по пословицѣ «гора съ горой» имѣютъ связь между собою и съ послѣдующими.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отъ сотворенія моего и до барской передней.

Я — сынъ прописнаго по ревизскимъ сказкамъ, по народной переписи, комлевскаго мѣщанина, и остался безъ званія и мѣста, когда отецъ мой скончался, покинувъ меня голосистымъ крикуномъ, но еще безсловеснымъ. Мать моя поѣхала съ какими-то попутчиками отыскивать отца, который, отправившись по торговлѣ или промыслу своему, — онъ былъ барышникомъ, какъ у насъ говорять, то есть, торговалъ лошадьми, — отправившись на лебедянскую ярмарку, пропадаль не знаю сколько времени безъ-вѣсти.

Поѣхала, и меня повезла съ собою; на пути захворала сердечная; попутчики покинули ее въ чужомъ мѣстѣ: она умерла, и я остался круглымъ сиротой не научившись еще и самой необходимой на свѣтѣ вещи, — ъсть хлѣбъ. Село было господское. Мужикъ, у которого въ избѣ скончалась мать моя, а я остался на рукахъ, пошелъ съ жалобой на бѣду эту къ барину; тотъ велѣль взять меня во дворъ, кормить, поить и растить. Вотъ все, что я впослѣдствіи слышалъ отъ людей господскихъ о томъ, кто я таковъ и откуда.

Когда я сталъ знать и помнить себя, то было мнѣ, видно, года четыре; названная мать моя, скотница въ барскомъ домѣ, колотила меня кулакомъ въ спину, приговаривая: «молись, молись, молись, не ложись спать какъ собака». Эти слова остались въ памяти моей. Потомъ, года черезъ два, помню разительную перемѣну, — барскіе покои. Я попалъ туда со скотного двора по замѣчательному случаю. Одинъ изъ барченковъ сшили что-то, и баринъ велѣль привести со двора какого-нибудь мальчишку и высѣчь въ

барскихъ покояхъ, при виноватомъ, въ острастку. На это, какъ безроднаго сироту, избрали меня. Помню, какъ большой, плотный дворецкій пришелъ, схватилъ меня за руку и потащилъ по двору, по лѣстницѣ. Въ покояхъ поразилъ меня крикъ, шумъ, плачь: это баринъ сердился, бранилъ барченка, барыня заступалась за него, а тотъ ревѣль. Я глядѣль на все это довольно спокойно, ничего не понимая, покуда наконецъ меня вдругъ, ни съ того ни съ сего, схватили, растянули и высѣкли. И я и три барченка, мы всѣ выли въ—голосъ; баринъ кричалъ и все грозилъ одному изъ нихъ и приговаривалъ; а барыня обѣ эту пору уже успокоилась немногого и отошла. Когда все кончилось, баринъ спросиль, чей это головорѣзъ, и, услышавъ, что я скотницинъ пріемышъ, которая уже вбѣжала въ переднюю и также ревѣла во всю душу и кинулась барину въ ноги, то онъ, сказавъ: — «А ты чего тутъ ревещь? тебѣ какое дѣло? что онъ, сынъ, что ли, твой? Ты чего пришла заступаться?... дура!» — приказалъ оставить меня въ покояхъ, «пусть—де привыкаеть; наука эта

не мѣшаетъ ему, пригодится: онъ будеть бояться теперь, станеть слушаться<»>; потомъ пригрозиль мнѣ; и притопнувъ ногой, выслалъ въ переднюю. Названная мать вынесла меня на рукахъ, обмыла, одѣла, успокоила, и опять понесла въ барскіе покои. Я снова ревѣть на чѣмъ свѣтъ стоить, и тутъ уже поколотила меня и сама Катерина; заглушивъ кулаками страхъ мой, передала меня холопамъ въ переднюю.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Оть барской передней до француза съ отмороженными ногами.

Первое время думаль я, что меня прикомандировали въ переднюю для одной только нужды, — чтобы щелкать колодою картъ по носу. — Я сидѣль тутъ безвыходно; холопы играли въ три листа, или подкаретную, и при этомъ били меня за всѣхъ по носкамъ. Это продолжалось однако не долго: вслѣдъ затѣмъ помню я себя уже вдругъ за однимъ учебнымъ

столомъ съ баричами и почти за—панибрата съ ними.

Это покажется иному странно. Надобно узнать однако же Ивана Яковлевича Шелоумова, моего отца и благодѣтеля, чтобы понять сколько—нибудь такую перемѣну. Иванъ Яковлевичъ Шелоумовъ былъ человѣкъ до такой степени странный, что иные называли его помѣшаннымъ. Особеностей въ немъ была такая бездна, что никто въ мірѣ не могъ бы, въ какомъ бы то ни было случаѣ жизни, угадать что сдѣлаетъ теперь Иванъ Яковлевичъ, какое выведеть заключеніе, на какой родъ дѣйствій рѣшился. Нравъ его былъ необъяснимъ. Казалось, онъ по днямъ, по часамъ, по недѣлямъ, принималъ на себя временно и по—очередно всѣ возможные нравы и былъ сегодня не тотъ человѣкъ, что вчера, иногда вовсе не тотъ, что часъ тому назадъ; — утромъ скучъ до невозможности, къ обѣду благоразумный хозяинъ, къ вечеру мотъ, — въ понедѣльникъ сердить и брюзгливъ, во вторникъ насмѣшникъ, въ среду отчаянно весель, въ четвергъ ученъ,

глубокомысленъ, въ пятницу богомоленъ, въ субботу страстный игрокъ, въ воскресенье затѣямъ нѣть конца и весь домъ выворотить вверхъ дномъ и наизнанку. Онъ какъ-будто всегда разыгрывалъ какую-нибудь роль, но, казалось, безъ намѣренія; не зналъ и не замѣчалъ этого, а слѣдовалъ житейскимъ правиламъ своимъ, на этотъ разъ составленнымъ, и готовъ былъ въ каждую минуту отдать отчетъ въ нынѣшнихъ дѣлахъ своихъ, но, замѣтьте, только въ нынѣшнихъ, — излагая передъ вами цѣлую вереницу опытной премудрости своей. Онъ, казалось, дѣйствовалъ всегда по душевному убѣжденію и не ханжилъ; но убѣжденіе это мѣнялось, не только съ видами игры, а иногда и съ высотою солнца. Дома онъ обыкновенно корчилъ строгаго, но справедливаго отца семейства; если тутъ случился въ такую минуту кто-нибудь посторонній, то Шелоумова рѣчь изобилована безконечными поученіями: онъ былъ нравоучителенъ до приторности, съ дворовыми и крестьянами былъ онъ то крайне ласковъ, шутливъ, словоохотливъ,

снисходителенъ, то опять вдругъ приходило ему въ голову, что надобно ихъ взять въ руки, и онъ былъ крикливъ, шумливъ, драчливъ, до нестерпимости; то опять хотѣль достигнуть всего однимъ путемъ убѣжденія, и наставлениа, поученія, Мысли вслушъ у Краснаго Крыльца сочиненія Ивана Яковлевича, читались по цѣлымъ часамъ собраннымъ въ одну кучу крестьянамъ, какъ приказъ земскаго суда. Послушайте его въ такой часъ, и вы найдете живаго Стародумова или Пряникову, лица, которыя, какъ мы полагали, могутъ жить только въ скучныхъ монологахъ отжившой вѣкъ свой драмы. Докучая всѣмъ до невѣроятности, когда находила на него эта полоса премудрости, онъ самъ былъ собою доволенъ и счастливъ: послушать его, такъ онъ преобразовалъ весь околотокъ, изъ крестьянъ своихъ сдѣлалъ умныхъ, разсудительныхъ, добрыхъ и послушныхъ людей, а поглядѣть на дѣлѣ, безтолочь такая же какъ и всюду, та же овца, тѣ же тальки, самосидныя яица, утиральники и пени съ новоженцевъ.* При людяхъ,

* Для нѣкоторыхъ читателей надобно, вѣроятно,

которые мало знали Ивана Яковлевича или пріѣзжали въ первый разъ, онъ нерѣдко вдругъ прикидывался хватомъ, молодцомъ, силачомъ, отчаяннымъ ратникомъ на поприщѣ спасенія погибающихъ; и все, что онъ желалъ, можетъ—быть, когда—нибудь сдѣлать, все это являлось у него уже готовымъ, дѣйствительно исполненнымъ и сдѣланнымъ, и онъ лгалъ и вралъ тогда безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Иногда находила на него неодолимая охота потѣшить присутствующихъ русскими пѣснями, даже пляской, и тогда онъ пускался во всѣ нелегкія, кстати ли, не

пояснить это мѣсто. Тальками называются уроки, задаваемые бабамъ на зимнія ночи, когда ихъ заставляютъ прасть лень. Здоровыя бабы ходятъ на другую барскую работу, а хворыя, косолапыя, сидять при нагорѣлыхъ лучинахъ и прядутъ свои тальки. Бабы, въ одномъ мнѣ извѣстномъ случаѣ, не могли или не хотѣли откупиться отъ работы этой за шестьдесятъ копѣекъ въ зиму, а между—тѣмъ плачутъ за нею горько и просятъ освободить отъ нея. Самосидныя яица раздаются по парѣ во всѣ крестьянскіе дворы, и бабы обязаны высидѣть и представить за нихъ весною цыплять. Шитые утиральники и по десяти рублей собираются со всѣхъ новоженцевъ въ пользу господина, когда молодымъ дается позволеніе вступить въ бракъ. Все положенія очень полезныя и крайне хозяйственныя, особенно первое и послѣднее.

кстати, ему все—одно. Иногда ломаль онъ немилосердно и по цѣлымъ днямъ русскій языкъ, передразнивая Нѣмца, Англичанина, Италіянца, и тогда уже ни съ кѣмъ не говориль иначе; въ другое время порывался говорить по—украински, по—польски, то начиналь пріучать себя говорить самымъ книжнымъ русскимъ языкомъ, то хотѣль поддѣлаться подъ нарѣчіе крестьянское, то корчилъ заику, косноязычнаго и наконецъ звѣря или птицу. Иванъ Яковлевичъ напримѣръ нерѣдко, сидя у себя одинъ, упражнялся въ томъ, чтобы кричать пѣтухомъ, теленкомъ, кошкой, или выть волкомъ. Свои къ этому привыкли, и если вдругъ страшный вой раздался по цѣлому дому, то никто на это не обращаль вниманія. Разъ только страшный волчій вой переполошилъ весь домъ, потому что дѣло происходило ночью. Иванъ Яковлевичъ самъ перепугался этой тревоги: мать ахала, стонала, дрожала, дѣти ревѣли въ—голосъ, дѣвки и холопы сбивали другъ друга съ ногъ, дворня сбѣжалась, потому что уже и ночной сторожъ, думая, что въ домѣ рѣжутъ, колотилъ во всю мочь

деревяннымъ клепаломъ и ораль во всю глотку: «Карауль!» Ивану Яковлевичу, какъ онъ тогда сказывалъ, показалось, что уже должно быть утро, и онъ хотѣлъ только напугать проспавшихъ холоповъ. Я помню также, какъ Шелоумову вздумалось непремѣнно выучиться ржать по-конски: это стоило большаго труда, и за этимъ привозили изъ сосѣдства учителя, какого-то Цыгана или Татарина. Но обыкновенно Иванъ Яковлевичъ подражалъ по наружности во всемъ такому человѣку, котораго недавно видѣль, если человѣкъ этотъ или особенно понравился ему или онъ хотѣлъ его осмѣять.

Вотъ вамъ отецъ мой и благодѣтель налицо. Послѣ этого, не мудрено, если онъ, вспомнивъ вдругъ, что я несчастный сирота, приказалъ вымыть, вычесать меня, одѣть въ старое платье барченка, призвалъ, говориль очень долго и назидательно, — хотя я и ровно ничего этого не понималъ, — и велѣль мнѣ учиться вмѣстѣ съ баричами у священника, у отставнаго протоколиста, котораго не велѣно было принимать никуда на службу, и у взятаго для ученья въ домъ

Француза съ отмороженными ногами, который остался въ томъ краю, когда всѣ товарищи его, плѣнники съ ногами, отправились домой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отъ замороженнаго Француза до зеленой куртки Ивана Яковлевича.

Этому Французу и священнику я обязанъ много: они меня всему добруму выучили, что я знаю и что во мнѣ есть. Протоколистъ училъ насъ только вмѣсто всемирной и россійской исторіи, быть всемирными и россійскими негодяями, воровать для него у барина табакъ, а у барыни сахаръ, нитки, иголки. Лучшее, чему онъ насъ выучилъ, это играть мѣтко въ козны, въ свайку, и ловить разными силками и западочками пѣвчихъ птицъ. Случай, по которому онъ наконецъ лишился хлѣба у Ивана Яковлевича, стоитъ того, чтобы обѣ немъ упомянуть. Онъ, какъ я сказалъ, таскалъ домой все, что только

попадалось ему подъ—руки, и между прочимъ завель очередь между учениками своими и отпарываль каждый день у одного, по пуговкѣ, роговой или мѣдной, какая случалась, а обтяжныхъ впрочемъ не трогаль. Дѣтамъ велѣль онъ всегда говорить, что пуговка оторвалась и потерялась. Но какъ въ этомъ домѣ никто много обѣ одѣждѣ нашей не заботился, а протоколистъ день—за—день продолжалъ промысель свой, то баринъ и замѣтилъ вдругъ за обѣдомъ, что на баричахъ ни на одномъ нѣть ни одной пуговицы. Дѣло пошло на разбирательства, а какъ я уже вовсе не желалъ, чтобы меня опять посѣкли въ примѣръ и страхъ другимъ, то я и открылъ въ ту же минуту всю продѣлку. Протоколиста комнатку, черезъ дворъ, въ пристройкѣ, освидѣтельствовали, нашли цѣлый выюкъ краденыхъ бездѣлушекъ, надѣли ему на шею низку пуговицъ, низку изъ кусочковъ сахару, — помню, что большаго труда стоило нанизать сахаръ этотъ, но Иванъ Яковлевичъ настояль на своесть, — напутали на протоколиста нитокъ, шелку, булавками да иглами

прикололи къ сертучишку краденые листы бумаги, ленточки, всякую дрянь, и выводивши въ этомъ нарядѣ по двору и по всему селу, вывели за околицу и пустили по дорогѣ. Помню, что протоколистъ просиль жалобно: «Что угодно извольте дѣлать надо мной, хоть плетьми прикажите наказать, только чести не лишайте, не изгоняйте изъ дома своего безъ куска хлѣба». Но всѣ просьбы не помогли: протоколиста не стало. У священника выучился я по-русски и еще кое-чему, а Французъ настроилъ меня на такой ладъ, что меня забрала страстная охота учиться всему на свѣтѣ. У него безъ пути не проходило ни одного часу: сидить за чаемъ, разговариваетъ съ тобою обо всякой всячинѣ и шутя пріохочиваетъ ребенка разспрашивать и слушать; какую вещь ни возметъ въ руки, придерется къ ней и расскажетъ, какъ дѣлается, гдѣ, куда и для чего, когда изобрѣтена, и прочая. Пойдетъ гулять съ тобой на костыляхъ, ни цвѣтка, ни листка, ни букашки, не пропустить, чтобы не научить, какъ называется она, въ какой разрядъ и порядокъ слѣдуетъ и почему и куда и для

чего бываетъ пригодна. Отъ него я шутя выучился тремъ языкамъ. Онъ съ попомъ нашимъ быль очень друженъ, умѣль ладить со всѣми, даже съ Иваномъ Яковлевичемъ, и, за что я также вѣкъ буду ему благодаренъ, не давая намъ никогда слоняться отъ бездѣлья изъ угла въ уголъ, занималь столярной, токарной и картонной работой, выучиль немногого чинить часы, замочки, и прочая.

Такимъ образомъ минуло мнѣ уже семнадцать лѣтъ... Да! теперь только вспомнилъ, что я ни слова не сказалъ о второй названной матери моей, Настасьѣ Ивановнѣ Шелоумовой. Грѣшно бы мнѣ забыть ее когда выросъ я у нея въ домѣ какъ сынъ. Она любила и уважала Ивана Яковлевича какъ—нельзя больше, до такой степени, что примѣнялась каждый день къ личинѣ, которую онъ надѣвалъ, къ роли, которую играль, и сама того не замѣчая также измѣнялась день—за—день въ правилахъ, нравѣ, видахъ и намѣреніяхъ своихъ, и слѣпо шла ощупью за Иваномъ Яковлевичемъ. Отставала она отъ него, противилась, плакала, молила и кричала,

когда онъ впадаль въ крайности вредныя и дурныя, когда находило на него рвеніе преобразовать весь міръ плетью и палкой. И, дѣйствительно, тогда Настасья Ивановна брала вскорѣ надъ нимъ верхъ, и побѣжденный, образумившись перескаиваль съ верхней ступени крайностей своихъ на вторую и третью, перестраиваль ладъ дудки своей по—ниже, а иногда гласно и торжественно винился и повиновался супругъ своей, проповѣдуя честь и славу и хвалу женщинамъ и признавая ихъ естественными наставницами и руководительницами нашими. Въ такую пору ничего въ домѣ и въ хозяйствѣ не дѣлалось безъ спросу Настасьи Ивановны: къ ней посылались и дворецкіе и бурмистры и конюшіе, до которыхъ ей, по принятому въ домѣ порядку, не было ни какого дѣла, потому что она не входила и не мѣшалась ни во что. «Дочерей у меня нѣть, говаривала она. Богъ не далъ! стало—быть, нѣть и хозяйства, нѣть и дѣла какъ только угодждать на Ивана Яковлевича. А сыновья растуть у него на рукахъ: какъ себѣ—знаеть!» И за тѣмъ она, обыкновенно,

тяжело взыхала, покачивала головой, а нерѣдко и плакала. Жалобы, слезы и вздохи были ея стихіей: безъ нихъ она – какъ казакъ безъ коня, какъ воинъ безъ шпаги. Всегдашній ея разговоръ со своими ли, съ чужими ли, это было благодареніе Богу за семейное благополучіе свое; но это дѣлалось такимъ плачевнымъ образомъ, что, не вслушавшись, можно бы подумать не поминаетъ ли она какого–нибудь покойника и жалобно ему причитываетъ. О четырехъ дѣткахъ своихъ она говорила точно такимъ образомъ, будто у нея всего одно только дитя за душой, да и то кто–нибудь отрываетъ отъ груди ея; о любезномъ Иванѣ Яковлевичѣ, будто онъ разбить параличомъ и лежить уже на одрѣ смерти; о порядочномъ имѣніи, которое съ избыткомъ обеспечивало всѣ нужды семейства, будто сегодня Господь даль насущную кроху, а будетъ ли завтра, кто знаетъ! По этой же привычкѣ, она всегда говорила умилительными и уменьшительными словами, муженёкъ, муженёчекъ, дѣточки, дѣтушки, дѣтеныши, деньжоночки, мужички, домишко,

огородишко, пашенка, и прочая. Она одѣвалась очень просто, всегда въ темное платье, но чернаго ни за что на свѣтѣ не шила и не терпѣла. «Нѣть, батюшки—свѣтики мои, ужь сама на себя лиху—бѣду не накличу». Иванъ Яковлевичъ ходилъ, по обстоятельствамъ, въ разнородномъ домашнемъ платьѣ, и иногда можно было, взглянувъ на него, отгадать, кто онъ таковъ сегодня и чѣмъ или кѣмъ хочетъ быть. Когда онъ являлся въ халатѣ своемъ, это значило, что онъ намѣренъ быть хозяиномъ, домосѣдомъ, отцомъ семейства; если выходилъ поутру прямо въ сюртукѣ байковомъ или камлотовомъ, это значило, что онъ будетъ человѣкъ крайне дѣловой и занятой; если въ коротенькой курткѣ, это была одна изъ дурныхъ примѣтъ и очень походило на расправу со своей дворней: тогда уже холопы толкали другъ друга въ локоть, отъ передней до скотнаго двора было извѣстно, что баринъ вышелъ кушать чай въ курткѣ. Если только Настасьѣ Ивановнѣ удавалось стащить съ плечъ Ивана Яковлевича куртку эту, которая—де прилична однимъ ребятишкамъ, тогда и

гроза проносились мимо. Но двѣ крайности, — вовсе безъ верхняго платья, въ одной только растегнутой настежъ жилеткѣ, или въ щегольскомъ убранствѣ, — показывали, что баринъ будетъ отчаяннымъ молодцомъ, весельчакомъ. Щегольское убранство впрочемъ было въ ходу только при чужихъ, когда кто пріѣзжалъ погостить, и было двоякое, суконный сюртукъ или даже фракъ, со всѣми къ нему принадлежностями, или же кофейного цвѣту венгерка, съ черными снурами и прикладомъ. Очевидно, въ первомъ случаѣ выходить свѣтскій щеголь, во второмъ лихой рубака, спаситель всѣхъ утопающихъ и сгорающихъ. Тогда и примѣрамъ самоотверженія Ивана Яковлевича не было конца, и онъ чистосердечно разсказывалъ, что представиль—было самъ себя къ медали за спасеніе погибавшихъ, когда съ отчаянною рѣшимостію погасиль руками ситцевый пологъ у постели спавшей жены своей; что не умѣютъ цѣнить достойныхъ, медали не дали, — но умалчивалъ при этомъ случаѣ,

ЧТО ОНЪ САМЪ И ПОДЖОГЪ ПОЛОГЪ ЭТОТЬ,
ЗАСНУВШИ И НЕ ПОГАСИВЪ СВѢЧИ.

Дѣти Шелоумовыхъ были не одинаковы: третій сынокъ быль, кажется, въ мать, плаксивый мальчишко; четвертый — баловень отца и матери, упрямый, и большой шалунъ; второй, мнѣ ровесникъ, быль хороший, умный малый и одинъ изо всѣхъ охочъ къ наукамъ: съ нимъ мы ладили и жили дружно; старшій быль отъявленный негодяй, достойный ученикъ протоколиста, изъ котораго этотъ успѣлъ сдѣлать молодца на свой ладъ. Онъ давно уже зналъ все и умѣлъ все, и, въссорѣ съ братьями своими, тотчасъ козыряль имъ старшинствомъ своимъ и что онъ одинъ будетъ наслѣдникомъ отцовскаго имѣнія, а ихъ устранить и не признаеть братьями. Отцу онъ не смѣлъ грубить, а матери сказалъ однажды въ—глаза, что сожжетъ домъ, если она станетъ такъ присматривать за нимъ какъ за маленькимъ, и не дастъ ему воли дѣлать что хочетъ. «Вотъ у васъ есть дитя, сказалъ онъ, указавъ на младшаго: а я по отцѣ въ домѣ старшій». Съ нимъ—то, съ Сергеемъ Ивановичемъ,

жили мы очень не въ ладахъ съ малыхъ лѣтъ. Меня звали Вашей, Вашкой или Вашенькой: онъ всегда коверкалъ имя мое и, несмотря на всѣ ссоры и запреты, до послѣдняго дня никогда не звалъ меня иначе. Если у меня было что-нибудь съѣстное въ рукѣ и близко никого изъ старшихъ не случалось, то Сергѣй Ивановичъ ужъ непремѣнно выбѣть у меня ломоть изъ рукъ и, толкнувъ его ногой, закричить — пиль! Если я, подъ руководствомъ Француза, склеивалъ и расписывалъ бумажный домикъ, строилъ деревянную мельницу, то, бывало, оглянуться не успѣю, какъ Сережа, наткнувъ избушку мою на длинную палку, бѣгалъ по улицѣ и кричалъ — Кому набалдашникъ! кому набалдашникъ! — и наконецъ, выманивъ меня этимъ знакомымъ и зловѣщимъ крикомъ, разбивалъ работу мою въ дребезги, не давъ мнѣ добѣжать до него на нѣсколько шаговъ. Эта же знаменитая палка имѣла и еще другое назначеніе: Сергѣй Ивановичъ караулилъ гдѣ-нибудь въ дверяхъ дѣвокъ и подставлялъ имъ нечаянно палку, чтобы

онъ черезъ нее падали. На жалобу я какъ-то рѣдко рѣшался, драться самъ не смѣль, и если бы не костыль Француза, то не было бы мнѣ иногда житья отъ Сергѣя. Раза два я ему однако же отомстилъ, сдѣлавъ гласный доносъ на него, первое, за жестокіе побои одному крестьянскому мальчишкѣ, у котораго самъ же онъ отнялъ и задушилъ зайчонка, и второе, за покражу у старости полтинника. Оба раза Иванъ Яковлевичъ пришолъ мгновенно въ такое расположение духа, что цѣлыя сутки ходилъ въ курткѣ и еще засучивъ рукава: самый отчаянный знакъ; оба раза Сергѣй Ивановичъ былъ наказанъ, какъ наказываютъ только дворянъ малолѣтныхъ и ни какая мольба Настасьи Ивановны высѣчь лучше для примѣру одного изъ дворовыхъ мальчишекъ, которые вчера еще пролѣзли въ палисадникъ и рылись въ огородѣ, не помогла: Сережка наказанъ, и куртка еще цѣлыя сутки нагоняла страхъ на Божій міръ въ селѣ Путиловѣ. Этого-то мнѣ Сергѣй Ивановичъ никогда не могъ простить и когда мнѣ уже минуло семнадцать лѣтъ, какъ я упомянулъ, а ему девятнадцать, онъ

все—еще твердо помнилъ угрозы свои и готовъ быль вырвать у меня изъ рукъ послѣдній ломоть хлѣба и бросить его собакѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отъ зеленой куртки Ивана Яковлевича до послѣднихъ фокусовъ его.

И такъ всѣ мы подрасли. Минѣ минуло семнадцать лѣтъ, — считая по именинамъ: дня своего рожденья я не зналъ, — но это сдѣлалось такъ незамѣтно, исподволь, что мы все—еще считались ребятами, и Иванъ Яковлевичъ говорилъ о томъ, куда намѣренъ пристроить сыновей своихъ на службу, какъ о вещи еще весьма отдаленной. Въ одинъ вечеръ, когда у насъ съѣхались кое—кто изъ сосѣдей, навезли невѣсть богатымъ женихамъ: Иванъ Яковлевичъ быль необыкновенно въ духѣ, строилъ проказы на—диво, разрывался, чтобы утѣшить, наスマшить и занять всѣхъ, и между прочимъ провизжалъ нечаянно

такъ натурально щеночкомъ, что Настасья Ивановна даже, отъ жалости къ такой махонькой твари, прослезилась и, глубоко вздохнувши, покачала головой. Потомъ Иванъ Яковлевичъ схватилъ меня съ необыкновеннымъ жаромъ, вытащилъ на середину комнаты, поставилъ передъ себя и перебирая пальцами лѣвой рукѣ мнѣ по лицу, пилилъ меня правой рукой поперегъ живота, подражая голосомъ чрезвычайно удачно контрабасу. Эта шутка всѣхъ насмѣшила до слезъ. Но Иванъ Яковлевичъ, вдругъ закашлявшись и какъ– будто вздумавъ что–нибудь новое, опрометью побѣжалъ изъ залы въ свой кабинетъ. Все затихло въ ожиданіи; я также, стоя по–середи комнаты, ждалъ приказанія, думая что штуки будутъ еще продолжаться, и не смѣя сойти съ мѣста. Проходитъ нѣсколько минутъ, и все тихо, а въ кабинетѣ раздается какой–то глухой и дикой голосъ. Всѣ считали обязанностью хохотать надъ этой шуткой хозяина, хотя никто еще не понималъ, что это значитъ. Одна Настасья Ивановна упрашивала только мужа плаксивымъ голосомъ

перестать, потому что это слишкомъ страшно и предваряла гостей, что Иванъ Яковлевичъ собирается взвыть волкомъ. Голосъ затихъ; всѣ снова стали прислушиваться; послышалось сильное хрипѣніе; опять захотели: нельзя же! хозяинъ тѣшить гостей: надо благодарить. «Вотъ, Настасья Ивановна, сказала одна гостья, вамъ не въ-угоду была та штука: Иванъ Яковлевичъ тотчасъ и другую нашелъ, заснуль.... экой проказникъ!» Затихло и хрипѣніе; ждали, ждали: больше ничего нѣть. Настасьѣ Ивановнѣ показалось сомнительно, что Иванъ Яковлевичъ долго тамъ дѣлаетъ и гостей покинулъ: пошла въ кабинетъ и сама взвыла волкомъ. Иванъ Яковлевичъ лежаль на диванчикѣ и простывалъ уже: съ полчаса какъ изволили скончаться!

И такъ бѣднаго Ивана Яковлевича сразилъ внезапно кровянай ударъ: и ни слѣду жизни больше! ни тѣни надежды! Суматоха сдѣлалась въ домѣ страшная: всѣ тѣснились въ трехъ-аршинный кабинетецъ, толкали другъ друга; бабы подняли вой, истинно волчій, какого покойнику не

удавалось за-живо подслушать; привели запыхавшагося мельника, который, какъ около машиннаго дѣла ходить, умѣль также поставить рожки и бросать кровь. Кровь не пошла; но при этомъ случаѣ, всѣ, кто былъ живой тутъ, убѣдились, что покойникъ приготовилъ—было еще много штукъ на сегодняшній вечеръ. Поднесли свѣчи, стали раздѣвать покойника, чтобы бросить ему кровь, всѣ тѣснились и зорко, пристально вглядывались; сняли перчатку съ лѣвой руки: на кулакѣ написана красками преуморительная рожа.... нельзя не смѣяться, при всей жалости! Иванъ Яковлевичъ умѣль закутывать и свивать искусно расписанную такимъ образомъ руку, и у него выходилъ плачущій младенецъ, котораго онъ качалъ и убаюкивалъ и самъ же за него ревѣлъ. Сняли фракъ: другая штука на—готовѣ, — положена вдоль спины бѣлая полотняная рубаха.... какъ—будто зналъ, что она ему сегодня понадобится! Это была завѣтная штука Ивана Яковлевича, которую онъ никому не сказывалъ, только всѣхъ ею удивлялъ. Смерть ему измѣнила: теперь все

вышло наружу. Иванъ Яковлевичъ ходить, бывало, будто ни въ чемъ не бываль, и заведеть рѣчъ, что можно—де съ кого угодно снять все бѣлье, а платья не трогать: оно остается сверху. Разумѣется, никто не вѣриль, но никто и не соглашался, при всемъ честномъ обществѣ, на пробу, а только спорилъ, что быть не можетъ. Тогда Иванъ Яковлевичъ говориваль: «Ну, такъ ужъ и быть! для такого дня, для такихъ гостей, извольте, — я жертвую собой!» — и, снявъ шейный платокъ, развязывалъ обложеный изъ—за спины воротничекъ рубахи, разстегивалъ рукава ея на бѣлыхъ нитяныхъ пуговочкахъ, и приказывалъ кому—нибудь ухватить на затылкѣ воротъ рубахи и тянуть смѣлѣе: къ общему ужасу и удивленію, рубаха вся выходила этимъ путемъ наружу, а фракъ оставался на плечахъ, и все платье на своемъ мѣстѣ и въ порядкѣ. Далѣе: ногти среднихъ пальцевъ были у покойника покрыты слоемъ желтаго воску, для отличного фокуса съ серебряными пятаками; за—ухо положена мокрая губка, чтобы изъ ножа выжимать воду; изъ кармана жилетки выкатился

свистокъ, которымъ Иванъ Яковлевичъ, бывало, дразнить соловья; словомъ, покойникъ быль этотъ день весь на фокусахъ и, глядя на все это, можно было усомниться, не фокусъ ли и это холодное чело, бездыханная грудь и сердце безъ бою.

Но, нѣть, это былъ не фокусъ! мы осиротѣли, не успѣвъ и подумать о сбыточности такого горя, не испытавъ ни одного мгновенія страху, боязни и надежды у изножья его одра. Я плакаль горько; соленая Ѣдкая слеза текла по щекѣ и растравляла царапину, которую провель тутъ невзначай Иванъ Яковлевичъ, когда игралъ на контрабасѣ; я потираль ее рукой и плакаль, и оглядывался: мнѣ казалось, благодѣтель мой еще стоитъ за мною и пилить меня по брюху, и царапаетъ пальцами по лицу.... А трупъ его лежалъ уже передо мною!

Это былъ вообще первый покойникъ, котораго мнѣ съ-издѣтства случилось такъ близко видѣть. Я не могъ вѣриТЬ, что благодѣтеля моего нѣть: онъ живой быль еще слишкомъ близокъ ко мнѣ. Я остался

при покойникѣ и прорыдалъ всю ночь: дьячки читали однообразнымъ глухимъ полу—голосомъ, Французъ сидѣлъ въ углу на креслахъ, положивъ руки на сложенные поперегъ передъ собою костили; дѣти Ивана Яковлевича плакали, кромѣ Сергѣя, который скоро утѣшился; Настасья Ивановна всю ночь пролежала на полу ничкомъ, вопила и выла, припоминая и причитывая все добро, которое видѣла отъ супруга своего, и оканчивала всегда вопросомъ — «А кто мнѣ теперь будетъ», и прочая. Дворня, въ первую минуту, съ пронзительнымъ воемъ бросилась въ барскіе покои, но вскорѣ угомонилась, кромѣ нѣсколькихъ бабъ, которыхъ остались помощницами при Настасьѣ Ивановнѣ. Мужики приходили изъ села безпрестанно, входили тихо и чинно, вздыхали, крестились молча, и опять уходили. Бабы всѣ любопытствовали только взглянуть на лицо покойника, посмотреть на него: больше имъ ничего не нужно было. На третій день были похороны, къ которымъ вдругъ явился, откуда ни взялся, опять нашъ протоколистъ, котораго мы не видали

уже нѣсколько лѣтъ. Онъ такъ ъль за поминальной трапезой, будто во всѣ годы эти не бралъ въ ротъ ни крохи въ ожиданіи такого сытнаго случаю.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

**Отъ послѣднихъ фокусовъ Ивана
Яковлевича до казеннаго добра, которое не
тонеть и не горить.**

Начинается правленіе Сергѣя Ивановича, старшаго наслѣдника, потому что до назначенія и прїѣзду опекуновъ, прошло много времени и во все это время правиль дѣлами и хозяйствомъ онъ одинъ, неограниченно. Правленіе это ознаменовалось тѣмъ, что протоколистъ снова поселился въ домѣ и остался правою рукою новаго хозяина; что Француза согнали со двора, а отца Стефана, который прежде бывалъ ежедневно, не стали пускать въ домъ. Все примѣты хорошия. Въ первый разъ отъ—роду пришла мнѣ въ голову мысль о томъ, что же современемъ изъ

меня будеть? какой мнѣ путь открыть въ мірѣ? какое мое назначеніе? Сильно овладѣла мною эта забота, отбивала отъ сна и Ѣды, и я пошелъ отвести душу къ Французу, котораго взялъ къ себѣ въ домъ на время священникъ. Я просидѣлъ у него долго. Онъ утѣшалъ меня много, но не утѣшилъ: никто изъ нихъ не могъ рѣшить моего сомнѣнія и сказать мнѣ что-нибудь положительное. Я не думалъ тогда, что судьба печется обо мнѣ уже по-своему и что будущая участъ моя рѣшается въ эту самую минуту въ барскомъ домѣ.

Протоколистъ шныряль всюду, наставляль и поучаль Сергѣя Ивановича и, рывшись въ конторѣ, открылъ нечаянно, что покойный баринъ приписалъ меня при послѣдней народной переписи, когда я былъ еще по другому году, въ свои крѣпостные и дворовые. Съ этою вѣстью, съ ревизорскою сказкой въ рукахъ, поспѣшилъ онъ къ нынѣшнему своему покровителю. Взявши меня круглымъ сиротою въ домъ, Иванъ Яковлевичъ, вѣроятно, ни сколько не призадумался пристроить меня къ своей дворнѣ: ребенокъ

взять еще сосункомъ, вскормленъ; своихъ у него нѣть; здѣсь онъ чужой: куда же его больше дѣвать какъ не въ дворовые? Когда же впослѣдствіи сдѣлали изъ меня полубарича, то Иванъ Яковлевичъ, какъ сказывала послѣ Настасья Ивановна, намѣренъ былъ дать мнѣ отпускную, но времени впереди казалось еще много, ребенку вѣдь все—равно куда онъ приписанъ и гдѣ числился, а выростеть, успѣемъ отпустить. Такъ думаль Иванъ Яковлевичъ, да не такъ вышло. Не успѣль я воротиться отъ священника, какъ малый прибѣжалъ за мною, звать меня къ Сергѣю Ивановичу, который уже перебрался въ покои стараго барина. Въ углу стояль подобострастно протоколистъ. «Дурная примѣта!» подумаль я, и не обманулся. Сергѣй Ивановичъ, назвавъ меня въ первый разъ отъ—роду не искаrtавленнымъ именемъ моимъ, Вакхомъ, продолжалъ: «Я привожу послѣ покойнаго батюшки дѣла въ порядокъ, и подумаль также о тебѣ. Вотъ, видишь, ревизскія сказки, въ которыхъ ты значишься сыномъ тогдашней скотницы нашей, Катерины, и долженъ служить

господамъ своимъ не хуже другаго?....
Полно тебѣ жить дармоѣдомъ: это стыдно и
грѣшно. Надѣюсь, ты помнишь всѣ наши
благодѣянія и постараешься ихъ заслужить.
Я на первый случай на напомину тебѣ
старыхъ твоихъ грѣховъ. Бывшаго старосту
я смѣнилъ, а новый безграмотень, да и
мало привыченъ еще къ дѣлу: будь же ты у
него помощникомъ, да слушайся его во
всемъ, а нето, если не подорожишь мою
милостью, такъ будешь у меня
свинопасомъ. Ступай. Жить можешь покуда
въ конторѣ».

Все это меня такъ озадачило, что я
опять въ ту же минуту пошелъ на судъ и
совѣтъ къ отцу Стефану. Французъ стучаль
костылями въ полъ и грозиль кулакомъ на
воздухъ, а отецъ Стефанъ, выслушавъ все
спокойно, пошелъ самъ въ контору за
справкой. Она подтвердила все: меня
приписали шестнадцать лѣтъ тому назадъ,
забыли про это или оставили безъ вниманія;
такъ я и рось, и никто объ этомъ
маловажномъ обстоятельствѣ не заботился.
Просьбы священника у Настасьи Ивановны
не помогли, а разсердили только Сергѣя,

которому мать не смѣла указывать, а братья его и подавно были безгласны: онъ всѣхъ ихъ рвалъ за уши и грозилъ сѣчь. То же досталось и второму, Николаю, который ходилъ за меня просить. Такимъ образомъ участъ моя была рѣшена. Французъ успокоился, когда нечего больше было дѣлать, и училъ меня переносить свою судьбу, удерживая отъ всѣхъ дурныхъ замысловъ и покушеній, которые иногда роились въ моей бѣдной головѣ, какъ напримѣръ отъ побѣгу, на который я однажды—было почти рѣшился.

Мое положеніе было нестерпимо, и если бъ не отецъ Стефанъ, да не Французъ, я бы себя погубилъ. На что мнѣ дали это образованіе? Приписали: такъ и оставили бы у Катерины, на скотномъ дворѣ! и я бы пасъ свиней, да плелъ бы лапти не хуже другаго! А теперь... тяжело! Какъ помощникъ старосты, записывалъ я бирки его, стояль по цѣлымъ днямъ и считаль снопы, когда молотили для пробнаго умолоту, обѣзжалъ пашни, околицу, стояль съ хворостиной, когда пахали не на урокъ, а по днямъ, и былъ вообще на

посылкахъ. Бывало, въ темную, грязную ночь, идешь отъ избы до избы подъ окно, постучишь и наказываешь, по наряду старости, кому куда съ зарей на работу. Вотъ въ чемъ состояли занятія Вакха Сидорова Чайкина, попавшаго изъ полу— баръ чуть не въ свинопасы!

Но всего этого Сергѣю Ивановичу было мало: онъ, видно, рѣшился доконать меня, сталъ налегать со дня на день больше. Немного все—таки совѣстно было ему передъ всѣми живыми людьми. Дѣлалъ я все, что ни заставлять, и ужъ жалобъ на меня не было ни какихъ. А я видѣлъ чего ему хотѣлось: онъ, таки не шутя, хотѣлъ по—немногу поднять меня до чину свинопаса, и хотѣлось ему непрѣменно меня посѣчь. Французъ всегда умѣлъ меня утѣшить и успокоить, во всѣхъ обстоятельствахъ даваль положительные совѣты что дѣлать; но когда я ему предложилъ однажды послѣднее обстоятельство на разрѣшеніе, тогда онъ замолчалъ и стиснулъ только зубы, повель бровями и пожалъ плечами. Отвѣту я долго не могъ отъ него добиться; наконецъ онъ

сказалъ: — «Дѣлай что самъ знаешь!» — и, вставъ, пошелъ раскачиваться по маленькой свѣтлицѣ на костыляхъ.

Но Господь сохранилъ меня и не допустилъ до этого: иначе, можетъ—быть, теперь лежаль бы на душѣ моей большой грѣхъ. Тутъ случилось вотъ что.

Какъ теперь помню, въ воскресенье, поутру, когда мы выходили отъ обѣдни, — а въ деревняхъ, какъ вы знаете, обѣдня и начинается и оканчивается рано, — зазвенѣлъ вдругъ на концѣ села колокольчикъ, поднялась пыль, летить тройка. Ну, это ужъ, конечно, не кто какъ исправникъ. Въ деревнѣ это событіе не послѣднее: исправникъ безъ дѣла не пріѣдетъ. Всѣмъ хочется знать, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, и барскіе холопы всегда уже, по два и по три, стоять уперлись головою въ двери, и подслушиваютъ о чёмъ идеть речь. Я отъ обѣдни пошелъ съ отцомъ Стефаномъ къ нему, и черезъ полчаса вдругъ шасть въ двери названая мать моя, старуха Катерина. Она вошла запыхавшись и съ какимъ—то особенно таинственнымъ видомъ; помолившись, прокашлявшись и

поздоровавшись, рассказываетъ въ отчаянъи, что исправникъ пріѣхалъ за мной, что меня беруть въ солдаты. Долго не могли мы добиться толку у старушки, которая едва успѣла отвести духъ, какъ залилась слезами и начала причитывать по мнѣ какъ по покойникѣ: «А, ты радость моя! а, ты ненаглядный мой! а, ты красное солнышко мое!» и прочая. Когда батюшка побранилъ ее и успокоилъ, а Французъ въ нетерпѣніи прикрикнулъ, стукнувъ костылемъ въ полъ, то она, такъ же несвязно и безтолково, хотя во всей подробности разсказала, что Андрюшка сталь—было подслушивать у дверей кабинета, куда баринъ ушелъ съ исправникомъ, да баринъ увидалъ и взяль Андрюшку за чубъ, и ударилъ лбомъ въ косякъ, и отбилъ Андрюшкѣ охоту подслушивать; да Ефимка съ Ванькой подошли, немного погодя, на смѣну и кое—что слышали—таки, да баринъ опять вдругъ выскочилъ и ухватиль ихъ за чубы и долго колотилъ лобъ объ лобъ, между—тѣмъ однако жъ Андрюшка опять отдохнулъ, оправился и снова подкрался, со щеткой въ

рукахъ, на случай прикинуться, будто что подметаетъ; и всѣ они вмѣстѣ слышали, что исправникъ пріѣхалъ за мной и беретъ меня въ солдаты.

Какъ ни была для насъ троихъ, отца Стефана, Француза и меня, вѣсть эта непонятна, потому что нельзя было туть добиться ни какого смыслу и толку, однако она всѣхъ насъ крайне обрадовала. Это была одна изъ счастливыхъ минутъ жизни моей, и я не смѣль дать полной вѣры словамъ моей старухи. Французъ быль просто вѣялъ себя отъ радости: батюшка поздравлялъ меня съ отдачею въ солдаты, какъ поздравляютъ близкаго человѣка съ чиномъ генерала. Помню все это какъ теперь: я стоялъ середи комнатки, сложивъ руки, выставивъ ногу впередъ, и, кажется, старался придать себѣ солдатскую осанку; батюшка передо мною, въ праздничномъ подрясникѣ своеемъ и положивъ правую руку на грудь, увѣрялъ меня въ искренней своей радости, въ милости Господней и непостижимости Промысла Его, и косился немнога на Француза, который, вскочивъ съ мѣста, стоялъ на одномъ костылѣ,

другой вскинуль на плечо вмѣсто ружья, и, потряхивая молодецки головой, пѣль изо всей силы Т'ен souvienstu, столь известную французскую военную пѣсню. Между тѣмъ попадья выглядывала любопытно изъ-за перегородки, со сковородникомъ въ рукахъ, а старая Катерина выла отъ всей души и уже ни на кого болѣе не глядѣла.

И, действительно, я въ тотъ же самый день, вечеромъ, сидѣль уже съ писаремъ исправника на особой телѣжкѣ и мчался въ уѣздный нашъ городъ. Отецъ Стефанъ упросилъ исправника обращаться со мной благосклонно, поручившись за меня и снабдивъ меня на дорогу пирогомъ матушкина печенья. Французъ простился со мной какъ солдатъ съ солдатомъ, даль мнѣ три цѣлковыхъ: у меня, разумѣется, не было ни гроша. Настасья Ивановна плакала, прощаясь со мной и вспоминая покойного своего сожителя, и благословила меня образочкомъ; Николай Ивановичъ также заплакаль и обняль меня; Сергѣй же самъ не видался со мной, а велѣль только отобрать у меня все платье и обувь, и дать

сапоги и зипунишко по—плоше изъ
домашняго сукна.

Я ужъ было—думалъ, что Сергѣй Ивановичъ меня отдалъ въ солдаты, хотя и не понималъ, для чего это сдѣлалось такимъ необыкновеннымъ порядкомъ. Во всякомъ случаѣ я благословляль судьбу свою. Никто не взялъ на себя труда объяснить мнѣ загадку эту: одинъ только Николай сказалъ мнѣ, что меня беруть по указу губернскаго правленія. Что же я за важный человѣкъ, что обо мнѣ правленіе пишеть указы, и почему и за что? Я уже боялся ошибки, боялся что меня опять обратять, когда писарь исправника, попутчикъ мой, объяснилъ мнѣ все дѣло.

Отецъ мой, какъ я сказывалъ, отправился изъ Комлева въ Лебедянъ, на ярмарку, и пропадалъ безъ—вѣсти болѣе году. Я родился во время отсутствія его, вскорѣ послѣ отъѣзду, и мать сама поѣхала со мною отыскивать отца. Она, бѣдная, и не знала того, что ему тамъ давно уже лобъ забрили, и что она солдатка, а сынъ ея кантонистъ. На пути сказали ей знакомые встрѣчные извощики, что мужъ ея, слышно

было, никакъ померъ; вслѣдъ затѣмъ и сама она въ Путиловѣ Богу душу отдала, а я на грѣхъ остался. Казенное добро въ водѣ не тонеть, и на огнѣ не горить: черезъ осьмнадцать слишкомъ лѣтъ меня доискались, и велѣли поставить на службу. Какимъ случаемъ отецъ мой угодилъ въ солдаты, этого писарь не зналъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Отъ казенаго добра, которое не горить не тонеть, до преглупаго покрою платья.

Рассказалъ бы я, какъ еще одна добрая душа поплакала за мною въ Путиловѣ, какъ она стояла на порогѣ избенки подъ мельницей, накрывъ глаза лѣвою рукою и ощипывая правою цвѣтную завязку на рубашкѣ своей... да не хочу докучать читателямъ. Она же недавно тогда помогала отцу таскать порожніе мѣшкі на мельницу, и вся, отъ головы до ногъ, припудрена была мукою. Огромное колесо ворочалось мѣрно; шумный стержень воды прядаль съ

лопасти на лопасть; вся мельница дрожала; гуль отдавался далече, а вблизи пѣтухъ, похлопывая крыльями, кричаль во все горло, и его не было слышно: только видно, что вытянулся и клёвъ свой разинулъ. А колесу какое до чего дѣло! Оно знаетъ свое: служить мельнику вѣрно, покуда всѣ клепки не разсыплются. Пожалуй, хоть голову подставь, и ту измочалить, и все будетъ вертѣться по-прежнему. Его не разжалобишь.

Въ первый разъ отъ-роду увидѣль я, каковъ быль свѣтъ за птиловскою столицей. Уѣздный городишко нашъ, съ каменными присутственными мѣстами, показался мнѣ столицей, а губернскій поселиль во мнѣ такое уваженіе, что я легкохонько ступалъ по тропинкамъ улицъ его, не смѣя развязно и свободно ходить. Тутъ я получилъ письмо отъ Француза, который писаль мнѣ между прочимъ, что Катерина все-еще не отчаявается исходатайствовать мнѣ свободу отъ службы и что протоколистъ взяль у ней на этотъ предметъ цѣлковый. Она шла своимъ путемъ: вѣрила только всякому вздору и

обману, вѣрила протоколисту, а не слушалась совѣтовъ отца Стефана не давать этому отъявленному мошеннику по–пустому денегъ.

Меня черезъ внутреннюю стражу сдали въ полкъ и привели къ присягѣ. Страшна показалась мнѣ присяга эта, и я перечитывалъ ее послѣ нѣсколько разъ. Слова «не щадя живота своего, до послѣдней капли крови» придавали мнѣ однако же какую–то бодрость, и я расписывалъ воображеніемъ своимъ разные случаи, когда доведется мнѣ исполнить на–дѣлѣ клятву эту. Полкъ вскорѣ выступилъ въ походъ, какъ слышно было, въ Италію; но все это оказалось ложною тревогой: войска размѣщены были въ южныхъ губерніяхъ на квартирахъ, и храбрость моя, не остывшая во время переходу осьми сотъ верстъ пѣшкомъ, съ ружьемъ и ранцемъ, начинала остывать теперь отъ скуки и бездѣлья. Между–тѣмъ офицеры замѣтили меня и уже нѣсколько въ обращеніи своемъ отличали, а когда однажды рисуночекъ мой дошелъ случайно до полковника, то онъ призвалъ меня, поговорилъ со мною,

разспрашивая обо всемъ, и наконецъ, въ угоду полковницѣ, которой рисунокъ этотъ по вкусу пришелся и она много надъ нимъ смѣялась, велѣль мнѣ объяснить, что такое всѣ эти лица и гдѣ они. Отговорка моя, что это будетъ долгая сказка и въ связи съ прежними приключеніями моими, не помогла: полковница требовала непремѣнно моихъ поясненій и сѣла на стуль, какъ будто собираясь меня долго слушать. Я рассказалъ, что тутъ дворецкій приволокъ меня со скотнаго двора, а холопы подаютъ уже скамейку и розги, и меня собираются сѣть, за то, что третій сынокъ Ивана Яковлевича воткнуль сальный огарокъ въ отцовскую пѣнковую трубку; четверо баричей стояли рядкомъ и лѣсенкой, одинъ подъ однимъ вплоть у скамьи; Настасья Ивановна, отстоявъ дѣтинышней своихъ, спокойно уходила изъ комнаты, принявшиясь уже за свою работу, за веретено; Иванъ Яковлевичъ стоялъ въ зеленой курткѣ своей, грозный, величественный, держалъ распущенный клѣтчатый платокъ въ рукѣ и указывалъ тою же рукой на третьяго сыночка своего,

будто бы говориль: «Это, шельменокъ, слѣдовало бы тебя! Принимай на свой счетъ! Гляди: ужъ я его не жалѣю!» Всѣ четыре сыночка ревѣли, глядя прямо на отца и не закрывая лица руками: такой ихъ взяль страхъ! — а съ меня огромный дворецкій тащилъ на—лету и безъ того уже изодранные шараваришки, между—тѣмъ какъ двое холоповъ наперерывъ старались уложить меня и подняли на воздухъ. Все это дѣлалось съ такимъ усердіемъ, что, казалось, они изорвутъ мальчишку на клочки и Ивану Яковлевичу доведется сѣть одну скамейку. Всѣ этому много смѣялись; полковникъ хохоталь, полковница смѣялась почти до истерики, двѣ свояченицы также, и вдругъ всѣ стали говорить обо мнѣ между собою по—французски, сожалѣть обо мнѣ, хвалить пристойную наружность мою и умолять полковника, чтобы онъ принялъ во мнѣ участіе. Мнѣ совѣстно было слушать все это, и я сказалъ полковнику, что разумѣю по—французски. Это породило еще болѣе любопытства. Со мною заговорили и заставили разсказать на этомъ языкѣ вкратцѣ похожденія свои. Всѣ

обступили меня, стояли вокругъ меня и глядѣли во всѣ глаза, какъ на диво какое, на звѣря, тюленя морскаго, и не могли натѣшиться, надивиться, что человѣкъ говорить на двухъ, трехъ языкахъ, и играеть на фортепіано. А почему? Потому что человѣкъ этотъ стояль на вытяжку и приговаривалъ за третьимъ словомъ — ваше высокоблагородіе.

Съ этого дня судьба моя измѣнилась. Полковникъ, который принималъ у себя и юнкеровъ своего полка съ большою разборчивостью, вскорѣ велѣлъ мнѣ ходить къ себѣ обѣдать каждый день. Я охотно занимался ученьемъ дѣтей его, тѣмъ болѣе, что пріобрѣлъ тутъ же и еще ученицу въ рисованьѣ, ученицу, о которой поговоримъ послѣ. Отъ писарьской должности я отказался, желая служить, коли—служить, во фронтѣ, и ходилъ во всѣ наряды наравнѣ съ прочими солдатами, а свободное время проводилъ у полковника. Онъ приближалъ меня къ себѣ по—немногу и съ большою осторожностію: видно было, что онъ хотѣлъ напередъ меня испытать, увѣриться, таковъ ли я, каковы были мои слова. Но, менѣе

чѣмъ черезъ годъ я быль въ домѣ — свой, а черезъ два, мнѣ нашили галуны. Полковникъ показаль мнѣ представлениe, въ которомъ, несмотря на короткій срокъ службы моей, просиль убѣдительно о производствѣ моемъ.

Положеніе мое при всемъ этомъ было очень странное: мнѣ, какъ солдату, всякий говориль ты, начиная отъ полковника и полковницы до деньщиковъ; однѣ только горничныя были вѣжливы, называли меня всегда кавалеромъ, почтеннымъ, и Вакхомъ Сидоровичемъ; между-тѣмъ съ дамами полковничими я быль какъ со своими... Да лихъ не свои! и не въ свои я сани ѿль!

Разъ какъ-то нарядили меня, съ тремя рядовыми, въ конвой за пойманными бродягами, которыхъ отправляли въ земскій судъ. Дорогою, одинъ изъ конвойныхъ пустился въ разспросы, кто изъ нихъ, изъ арестантовъ, откуда родомъ. Я только было-оборотился назадъ, чтобы велѣть солдату молчать и не разговаривать съ арестантами, какъ услышалъ, что одинъ изъ нихъ отвѣчалъ, — изъ Комлева. Изъ Комлева! съ родины моей! Я подумалъ съ

минуту и сталъ самъ его разспрашивать, и, сколько помню, одинъ только этотъ разъ во всю службу свою погрѣшилъ я завѣдомо противъ присяги своей: каюсь! Я спросилъ, зналъ ли онъ въ Комлевѣ мѣщанина Сидора Чайкина или жену его Марью. — «Какъ не знать! отвѣчалъ онъ: годовъ тому будетъ съ двадцать, я у нихъ сына крестиль». — Какого сына? — «Такого сына, какъ бывають они, Вакха! Сидоръ въ тѣ поры уѣхалъ по торговамъ, а мнѣ наказаль быть крестнымъ отцомъ, коли родится у него сынъ. Оно такъ и сталося». И комлевскій бродяга оказался крестнымъ отцомъ моимъ! онъ сказалъ мнѣ, что я родился первого марта, а отецъ мой былъ отданъ въ солдаты того же года во время самой лебедянской ярмарки, слѣдовательно, около Троицы или Покрова, то есть, во всякомъ случаѣ позже, лѣтомъ или осенью. Обстоятельство это, по видимому пустое, было для меня довольно важно: если показаніе крестнаго отца моего справедливо, то я — не кантоnistъ, не солдатъ, а мѣщанинъ.

Проводивши крестнаго отца своего въ кандалахъ куда слѣдовало, и давши ему щѣлковый на дорогу, я, какъ воротился, пошелъ къ полковнику и объявилъ все. Тамъ слушали меня съ большимъ участіемъ. Полковникъ сказалъ, разсмѣявшись: — «Видно, тебѣ, братъ, чудеса такія на—роду написаны!... А между—тѣмъ надобно списаться».

Полтора года послѣ этого слушаю, всего послѣ четырехъ лѣтъ службы моей и на двадцать—второмъ въ исходѣ отъ—роду, получилъ я чистую отставку, какъ неправильно записанный на службу. И что же мнѣ было дѣлать? Служить до прапорщика оставалось мнѣ еще десять лѣтъ; склонность моя влекла меня къ наукамъ. И такъ... въ отставку! Ружье и ранецъ — въ сдачу каптенармусу; а фракъ, подарокъ доброй полковницы — на плеча. А, вѣрите ли? когда пришелъ я въ амуничиникъ сдавать казенное добро, такъ ружье свое повергъ въ рукахъ и призадумался надъ нимъ: кажется, если бы я съ нимъ сходилъ въ славный походъ, не на—шутку тяжело было бы съ нимъ

разстаться. Преглупымъ платьемъ показался мнѣ теперь нашъ фракъ, послѣ солдатской шинели. Венгерка, куцая куртка моего покойнаго благодѣтеля — право, гораздо толковѣе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Отъ преглупаго покрою платья до попутчика.

Куда мнѣ дѣваться теперь и что начать, я еще не зналъ. Небольшія денжонки у меня были; житье у полковника мнѣ было веселое, ничего не стоило, и я сначала никуда не торопился. Тутъ мнѣ было хорошо. Полковникъ и милыя хозяйки строили иногда со мною планы о будущности моей: все это казалось еще далеко впереди... Нѣть, далеко отъ нась только прошлое.

Ученица моя, о которой я упомянуль выше, была меньшая свояченица полковника, Груша. Видно, необыкновенныя похожденія мои,

нынѣшнее званіе, конечно несогласное съ степенью даннаго мнѣ образованія, и другія обстоятельства и случайности, возбудили въ ней живое ко мнѣ участіе. Какъ дѣвица военная, она привыкла и ко всему быту этого сословія, къ подчиненности солдатъ ея полку, къ услужливости ихъ; но такой солдатъ, какъ я, ей конечно еще не попадался. Немножко живое воображеніе ея расписало ей взаимное положеніе наше красками романическими. Я былъ молодецъ вовсе неопытный по этой части, и, коротко сказать, ничего не думаль и ни о чемъ не думалъ, какъ едва не дожилъ до того, что и думать было бы поздно. Обыкновенно, связь и дружба подобнаго роду, если она возрастаетъ до извѣстной степени, оканчивается тѣмъ, что молодые люди начинаютъ говорить другъ другу наединѣ ты. Здѣсь на—оборотъ: Груша начала меня тѣмъ отличать, что говорила мнѣ, когда никто насъ не слышалъ, вы. Я принялъся жить, когда вышелъ на свѣтъ за околицу Путилова, съ такимъ жаромъ и рвеніемъ; я видѣлъ столько прекраснаго впереди, и, кромѣ хорошаго, видѣлъ иногда только

смѣшное, а дурное забывалъ; я жиль и дышалъ съ такою свободою и самоувѣренностью, несмотря на незавидный жребій свой, съ такою простотою и недогадливостью, съ такою чистою совѣстью, что шель бодро и безъ оглядки впередъ, думаль: — «Все хорошо какъ оно есть!» — и беречься, остерегаться, не умѣль. Тѣмъ менѣе могъ я уберечься отъ такой бѣды, какая мнѣ тогда грозила, попирать ландыши на пути ногами, когда, казалось, безгрѣшно могъ ими радоваться и утѣшаться. О послѣдствіяхъ не было у меня ни какого понятія: мы съ Грушей только очень подружились. Не хотѣлось бы докучать вамъ, а не могу и отстать такъ сухо отъ этого завѣтнаго предмету. —

Полковница, конечно, давно видѣла неумѣстную дружбу нашу; но ей нась было жаль, обоихъ, и она считала все это ребячествомъ.

Вслѣдъ за отставкой моей, одинъ изъ капитановъ того же полку посватался на Грушѣ. Это надѣлало такой суматохи въ домѣ, что тайна не могла остаться безъ объясненій. Разумѣется, что я никогда не

смѣль и подумать о бракѣ съ Грушей, и, дѣйствительно, мысль эта никогда мнѣ въ голову не приходила; но она отказала жениху, которому, по всѣмъ соображеніямъ старшой сестры и зятя, отказывать не слѣдовало. Грушу никто не неволилъ, а хотѣли только допытаться причины отказу; но, кромѣ слезъ и заклятій, что она никогда замужъ не выйдетъ, другаго отвѣту не добились. Все это однако же произвело во мнѣ и въ ней, безъ всякаго обѣ этомъ предметѣ разговору, такую видимую для всѣхъ перемѣну, что никому не трудно было разгадать загадку. Полковница воспользовалась первымъ случаемъ, чтобы со мною обѣ этомъ переговорить.

Она сдѣлала это очень тонко и искусно, съ женскимъ умѣньемъ и изворотливостью, и спросила меня, что я обѣ этомъ думаю. Никогда, въ жизнь мою, не испыталъ я такой пытки, и за себя и за Грушу. Въ эту только минуту очи мои прозрѣли. Я отвѣчалъ наконецъ, что ничего не думаю и думать не въ состояніи, просиль ее думать за меня и безъ всякихъ обиняковъ приказывать мнѣ что теперь дѣлать: я

готовъ на все безъ всякой отговорки или исключенія. «Кажется, прибавилъ я, если я только въ этомъ омутѣ что-нибудь вижу, то мнѣ должноѣ хать сегодня или завтра».

— Должно, отвѣчала она: чувства ваши, которыя васъ никогда въ жизни не обманывали, и теперь остались вамъ вѣрны. Не осуждайте насъ за это: поживете еще не много на свѣтѣ, такъ чтобы вы могли оглянуться назадъ на происшествіе это, и право вы насъ оправдаете.

Разумѣется, что отставной унтеръ-офицеръ свояченицѣ полковника своего не женихъ: объ этомъ, даже съ устраниемъ всѣхъ свѣтскихъ предубѣжденій, толковать нечего. Въ эту же ночь я сѣлъ тайкомъ на нанятую двуконную подводу, оставивъ полковнику и полковницѣ по письму, и ускакалъ по ближайшему пути на почтовой трактъ. Мнѣ и теперь еще больно, что я долженъ былъ оставить полкъ свой и домъ полковника, этотъ пріютъ мой, убѣжище и рай, — такимъ безславнымъ образомъ. Зачѣмъ не могъ я разстаться съ этою семьей, какъ послушное и доброе дитя,

выходя на свѣтъ, покидаетъ домъ родительскій?

Отъ Француза, съ которымъ я постоянно переписывался, получилъ я письмо передъ отъездомъ: въ Путиловъ произошли большія перемѣны. Тамъ давно уже наѣхали опекуны, приняли имѣніе, сдали его вскорѣ опять Сергею, за совершеннолѣтіемъ его, и наѣхали уже опять другіе, потому что имѣніе было отдано въ опеку за дурное обращеніе помѣщика съ крестьянами. Добрый Французъ мой нашелъ спокойное мѣсто у сосѣдняго помѣщика.

Выѣхавъ на столбовую дорогу, я поудержалъ прыть свою и не сталъ закладывать себѣ парныхъ подводъ, а сѣль и выжидаль попутчика. Надобно однако же вамъ сказать, куда я ѿхалъ. Послѣднее похожденіе мое заставило меня подумать толкомъ и основательно о будущности моей. Будь я безъ всякаго чину, просто ничто, такъ бы тутъ заботиться не о чемъ, какъ о деньгахъ: деньги есть, все будетъ, и жить на свѣтѣ можно. Однако жъ въ порядочное общество двери для меня не

отворяются. Такъ ли я быль воспитанъ? того ли могъ желать? Повторю еще разъ: оставь меня на скотномъ дворѣ у Катерины, и я бы пасъ свиней, и быль бы счастливъ, когда у меня брюхо набито, и мнѣ бы въ голову не пришло искать и желать иной участи. Но если ужъ разъ сдѣлали изъ меня человѣка съ другими понятіями, чувствами и потребностями, тогда я не могу, не въ силахъ, довольствоваться панибратствомъ черни. И такъ, что мнѣ дѣлать? какимъ родомъ сбыть этотъ камень преткновенія, чинъ? Итти служить? Много воды, можетъ—быть, утечеть, покуда дослужусь до первого офицерскаго чину. Остается другое средство, итти учиться. Дѣло рѣшеное! Ёду въ Питеръ, буду зарабатывать чѣмъ могу насущный хлѣбъ свой, — живутъ же тамъ и другіе люди, и не всѣ же лучше и умнѣе меня! — и стану учиться въ академіи или университетѣ.

Комлево, родина моя, лежало отъ прямаго пути не болѣе сотни верстъ всторонѣ. Чего бы мнѣ, казалось, тамъ искать? Ни своихъ, ни даже чужихъ, которые бы могли помнить меня. Да какъ

же не взглянуть, хоть мимоходомъ, на колыбельку свою? Потянуло меня туда. Выѣхавъ на большую дорогу, сталь я у крестьянина, обошелъ постоянные дворы, завернуль и къ станціонному смотрителю, и обѣщалъ всюду на водку, если кто найдеть попутчика, который бы согласился подвезти за сходную цѣну отставнаго служиваго. Узна†, что на станціи впереди есть какой–то баринъ, который также ждетъ попутчика, и тотчасъ отправляюсь туда.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Отъ попутчика до чемодана, въ которомъ добра не много.

Нахожу виднаго молодаго человѣка, который стояль, вложивъ руки въ карманы, передъ открытымъ окномъ и напѣвалъ, звучно заливаясь, соловей мой, соловей, а вслѣдъ затѣмъ перешель онъ къ *Vive Henri quatre*. Смотритель обрадовался мнѣ и просилъ увезти этого постояльца, который хожайничаетъ тутъ уже дней десять, и

надоѣль ему горче рѣдьки. «А я было—
думалъ, что онъ меня подвезетъ», сказалъ
я.

— Ну, тамъ ужъ какъ себѣ—знаете,
отвѣчаль тотъ, махнувъ рукой: только
убирайтесь, пожалуйста, отсюда.

Молодой человѣкъ, — лѣть ему было
однако же подъ—сорокъ, — очень
обрадовался товариществу моему, сказалъ—
было, что ему надоѣхать въ Кіевъ, но въ ту
же минуту согласился ѿхать со мною и на
Комлевъ, увѣряя что это ему все—равно, —
хотя это было также равно, какъ направо и
нальво, назадъ и впередъ, — мигомъ
приказалъ закладывать лошадей, что
смотритель исполнилъ съ отмѣннымъ
удовольствiемъ и поспѣшностью. Тотъ
бросилъ въ телѣгу легонькій и крошечный
чемоданчикъ и, взявъ порожнюю трубку въ
зубы, сидѣль уже поджавъ ноги на телѣгѣ и
распѣвалъ оперныя аріи. Всѣ
обстоятельства эти, конечно, должны бы
были надоумить меня съ кѣмъ я связался,
но, на—бѣду, онъ спросилъ меня тотчасъ
же, не говорю ли я по—французски: я, какъ
отставной унтеръ—офицеръ, думаль

повысить себя въ глазахъ его на чинъ, показавъ образованность свою; и на этомъ—то лощеномъ языкѣ онъ такъ благородно и заманчиво умѣль убѣдить меня во всемъ, заставить встрѣтить всѣ желанія его съ предупредительною вѣжливостью, что я, несмотря на какое—то внутреннее беспокойство, быль не въ силахъ ему въ чемъ—либо отказать, даже показать малѣйшую недовѣрчивость. Нѣть, по—русски онъ бы меня не надулъ; а по—французски обморочилъ, засаровалъ. Это быль такой тертый калачъ, какого мнѣ въ жизнь мою болѣе не случалось видѣть: очень смуглое, сухое, но широкое лицо, черный щетинистый волосъ и брови, огромные бакенбарды, огромные бѣлки, прямой, умѣренный носъ, рѣзкія черты и очень выразительная игра мышцъ и движеній въ лицѣ. Когда онъ улыбался иронически, искрививъ немногого ротъ, насупивъ противоположную бровь и выглядывая изподлобья, то нельзя было не смеяться въ душѣ, не почувствовать привязанности и уваженія къ этому нѣмому проявленію ума и остроты. Широкія плеча

и молодецкая осанка, какое-то ловкое умѣнье красоваться непринужденно во всякомъ положеніи тѣла, еще не знаю что, какая-то невидная бездѣлица, снаровка въ простой дорожной одеждѣ его, придавали ему что-то благовидное и укрывали отъ глаза простаго зрителя, не наблюдателя, скудное состояніе крайне изношенаго платья. Смотритель потребовалъ, кроме прогоновъ, сколько-то рублей съ копейками за кое-какіе съестные припасы, забранные попутчикомъ моимъ у него въ первые дни квартированія: въ послѣдніе же, какъ видно, онъ хлебалъ молоко въ долгъ въ разныхъ крестьянскихъ дворахъ, и три бабы явились у подъѣзду со своими требованіями. Попутчикъ мой, не обращая ни на кого изъ нихъ ни малѣйшаго вниманія, разговаривая со мною, досталь свой бумажникъ, вынуль оттуда маленькую картиночку и, подавая мнѣ ее съ повозки, сказалъ всѣ по-французски: «Вотъ этотъ городъ гдѣ я быль такъ счастливъ, l'alma citta di Roma! Я его всегда ношу при себѣ. Если вы охотникъ до хорошенъкихъ очерковъ перомъ въ три тѣни, въ чемъ я не

сомнѣваюсь, судя по образованности вашей, то возьмите листокъ этотъ себѣ: теперь я самъ скоро тамъ буду. Потрудитесь удовлетворить этихъ скотовъ. «У меня въ бумажникѣ однѣ крупныя ассигнаціи: тутъ конца не будетъ разсчетамъ. Сядемъ и поѣдемъ: пора!»

Теперь я понялъ все; но попутчикъ мой былъ миль и развязенъ, что я не нашелся, какъ тутъ поступить иначе, заплатилъ деньги, сѣль, поѣхалъ и, несмотря на всю любезность и разговорчивость продувнаго товарища своего, твердо рѣшился везти его не далее одной станціи. Я и самъ былъ такъ бѣденъ деньгами, что не отдалъ бы ихъ въ эту минуту и доброму человѣку, въ нуждѣ, а тутъ.... бросить въ воду!

Пріехали на станцію. Попутчикъ очень зорко вглядывался въ меня и все болталъ, несмотря на молчаливость мою, и, закричавъ, чтобы скрѣе закладывали лошадей, ухватилъ меня съ какимъ-то дружескимъ толчкомъ и урывкой подъ-руку и повель скорыми шагами ходить. Онъ все болталъ и вдругъ, покинувъ меня, извинился, сказавъ что сію-минуту будетъ,

и ушелъ, повернувъ за уголь, за ближній крестьянскій плетень. Я рѣшился: сказалъ смотрителю, чтобы онъ вѣдался съ другимъ проѣзжающимъ, который велѣлъ закладывать, а я не поѣду на почтовыхъ, и похаживая взадъ и впередъ, ждалъ своего попутчика, для объясненій.

Проходить четверть часа, полчаса; его нѣтъ. Иду его искать: нѣтъ нигдѣ. «Тѣмъ лучше! подумалъ я. Какая мнѣ нужда обѣ немъ заботиться?» и пошелъ искать себѣ дешевую подводу или крестьянина—попутчика; но оно вышло не къ лучшему: товарищъ укралъ у меня изъ кармана, видно въ то самое время, когда подхватиль довольно бойко подъ—руку, мой бумажникъ и пропалъ съ нимъ, какъ въ землю провалился, среди бѣлаго дня. Всѣ поиски мои, всѣ старанія смотрителя, которому я обѣщалъ награду, остались тщетными; ямщики бѣгали по деревнѣ, скакали по всѣмъ дорогамъ: нѣтъ его. Онъ, видно, смѣтиль уже по лицу моему, что я его далѣе везти не намѣренъ: и взяль свои мѣры.

Не учиться—стать было мнѣ итти пѣше: я надѣль заслуженную солдатскую шинель свою, продаль смотрителю и содержателю постоялаго двора за безцѣнокъ три четверти пожитковъ своихъ, навыочился остальнымъ и пошелъ, отвѣтивъ только смотрителю, который спросилъ, указавъ на чемоданчикъ попутчика моего: — А это же что у васъ! — «Это не мое». Вѣроятно, тамъ добра не много. Я даже не оглянулся.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Отъ чемодана, въ которомъ добра не много, до фортепіано съ турецкимъ барабаномъ.

Мой паспортъ обѣ отставкѣ послужилъ мнѣ на пути до самаго Комлева вмѣсто бумажника: отставному солдату, который шель на родину, на пяти стахъ верстахъ не отказали въ пищѣ и ночлегѣ ни въ одной деревнѣ. Мало того: когда меня захватила на пути ранняя зима, то, кѣ—ночи и въ непогоду, мужики не выпускали меня изъ села. «Тамъ свалишься гдѣ—нибудь, говорили они, да замерзнешь, выпивъ на

дорогу: а послѣ за тебя отвѣчай! Ложись, служивый, да отдохни, сдѣлай милость. Заутро накормимъ и отвеземъ тебя, нарядимъ подводу: только бы невредима выпроводить изъ околотка. Мы и то теперь еще не охлебаемся съ третьяго году, какъ, спасибо, сосѣды Черепановскіе подкинули на нашу межу какое–то мертвое тѣло: тутъ приставили изъ села въ рабочую пору караулъ, ровно добро какое стеречи, да держали недѣли три; тутъ весь судъ выѣхалъ, и стали по квартирамъ, и корми ихъ курицами; тутъ заковали того, чья пашня на межѣ, гдѣ нашли покойника, да и всѣхъ по–очереди перещупали, у кого была запасная скирда на гумнѣ. А чего! покойникъ этотъ ужъ имъ больно знакомъ! Его исправникъ изъ того уѣзда, ровно въ подарокъ, нашему прислалъ: перетащилъ черезъ границу, взявши тамъ что пришлось съ мужиковъ; да вотъ съ веревкой на шеѣ, таки–покуда не разсыпался весь, и ходиль все съ межи на межу. Ужъ мы, братъ, наплакались тогда. Такъ сиди, сдѣлай милость, служивый, и не пустимъ до утра, хоть какъ хочешь!»

Добрался я до Комлева. Отлегло мнѣ вдругъ, отошло отъ сердца: ровно кладъ какой дался. А не все ли мне равно тогда было, что Комлевъ, что Тамбовъ, что Ирбить? Чужой всюду! Случай однако же послужилъ мнѣ, не только отыскать въ первый же день домишко, въ которомъ я родился, но и поселиться въ немъ у добрыхъ, хотя очень забавныхъ и странныхъ людей, и пожить съ полгода спокойно. Безъ гроша нельзя было итти въ столицу, а въ Комлевъ нашель я вскорѣ учениковъ и стала учить всему на свѣтѣ. Горекъ такой хлѣбъ! да дѣлать было нечего: рублей двѣсти, за очисткой расходовъ, надо было заработать.

Хозяинъ мой былъ также учитель, музыкантъ, разумѣется единственный въ городѣ, какъ учитель и какъ бальный оркестръ. Голосу у него не было: онъ говорилъ осиплымъ шопотомъ и рассказывалъ каждый день по нѣсколько разъ, что онъ голосъ потерялъ на пожарѣ; но зато игралъ онъ на всѣхъ инструментахъ въ мірѣ, не только по—одиночкѣ и порознь, но и на всѣхъ вдругъ. На вечеринки

являлся онъ, за цѣлковый, обвѣшанный съ ногъ до головы цѣлымъ оркестромъ и игралъ всю ночь на—пролеть. Когда онъ упражнялся однажды дома на девяти инструментахъ вдругъ, перенявъ это отъ какого—то проѣзжаго фигляра, то сдѣлался пожаръ: домъ вдругъ обхватило пламенемъ; музыкантъ дотого испугался, что выскочилъ на улицу съ девятыю пристегнутыми и привязанными въ разныхъ мѣстахъ тѣла инструментами и бѣгалъ съ этой музыкой по улицѣ и не могъ долго отъ нея отвязаться: бубны гремять, тулумбасъ за спиной стучить, потому что къ локтю привязана палка, тарелки между колѣнь брянчать; словомъ, тревога страшная. Раsterявъ по улицамъ всѣ инструменты свои, онъ надсѣдался два часа крикомъ на пожарѣ; быль нѣсколько разъ окоченъ съ ногъ до головы водой, сильно простудился и съ той поры остался безъ голосу. Человѣкъ этотъ быль, казалось, природою назначень въ музыканты: ноги какъ флейты, губы какъ раstrубъ кларнета, руки ровно смычки, а самъ — настоящій віолончель; притомъ щеголь: коли въ

праздникъ уберется, надѣнеть жилетку съ разводами и стеклянными пуговками, а голубой фракъ откинеть, — настоящій, растегай, до которыхъ онъ былъ такой страстный охотникъ! Онъ всюду слышалъ и видѣлъ музыку: зазвенить ли стаканъ, брякнеть ли серебряная ложка, онъ откликается изъ третьей комнаты октавой; зналъ наизусть звукъ всей домашней посуды своей по камертону, и жаловался мнѣ однажды, что у него одна кастрюля фальшивить, если не долить ее водой до мѣтки, которую онъ нарочно въ ней сдѣлалъ. Коли вечеромъ дѣвки изъ—дали поють, а жуки пролетомъ гудятъ, то онъ сидя на крылечкѣ, подбираетъ къ голосамъ дѣвокъ басы жуковъ; коли на зарѣ плотники рубятъ избу и звонкій стальной топоръ звенить, Сидоръ Еремеичъ откликается на скрипкѣ или гитаре квинтой и квартой. Онъ, несмотря на безголосность свою, былъ большой говорунъ, большой знатокъ и рядитель музыки, и замѣтилъ однажды, когда я разыгралъ ему кое—что изъ тогдашнихъ новыхъ оперъ Россини, что онъ это знаетъ, это хорошо, но это все

выкрадено изъ гвардейскихъ маршей: Россини все такъ дѣлаетъ. «Немножко онъ правъ», подумалъ я.

Хозяйка моя, супруга музыканта, мастерски пекла растегаи, гладила каждый день манишку супруга своего и готовила на вечеръ бѣлый шейный платокъ, пила чай изъ даровой чашки, съ надписью золотомъ: Въ знакъ великодушія, и охотнѣе всего рассказывала исторіи болѣзней разныхъ знакомыхъ своихъ, въ родѣ слѣдующей: «Она, батюшка, ослѣпла на одинъ глазочекъ, окривѣла... такъ... ни съ чего. Прикинулся ячмень. Она и говорить бабамъ: «Бабы, покажите мнѣ кукишъ». Бабы показали кукишъ, а тутъ стало застилать туманомъ, и окривѣла. Не слушаются добрыхъ людей, батюшка: отъ того и худо бываетъ. Вотъ хоть бы у сосѣдки нашей, ребенокъ пошелъ—было до году и сталъ ходить; говорили люди, что путы было перерѣзать, какъ только пошелъ онъ въ первый разъ: * такъ нѣть! ну, и сѣль опять, и ползаетъ до трехъ годовъ».

* То есть, черкнуть ножомъ по землѣ между ногъ.

Добродушный Сидоръ Еремеичъ, хозяинъ мой, нетолько не ревновалъ ко мнѣ, какъ къ сопернику въ промыслѣ своеемъ, но, съ истиннымъ безкорыстіемъ художника, доставилъ мнѣ тутъ и тамъ случай давать уроки и посыпалъ иногда вмѣсто себя или браль съ собою на вечеринки, и дѣлилъ со мной свой цѣлковый. Цѣна была на это въ Комлевъ искони одна, и болѣе никто не жаловалъ, хоть прійди одинъ, хоть самъ—сѣмъ. Сидоръ Еремеичъ ихъ избаловалъ, отвѣчая одинъ за семерыхъ.

Въ Комлевѣ стояла пѣхота и былъ баталіонный штабъ. Одной помѣщицѣ понадобилось показать холостымъ офицерамъ, какъ мило поеть у ней дочь. Для этого тотчасъ же составили концертъ въ пользу бѣдныхъ, и всѣ ученики и ученицы Сидора Еремеича и мои напѣвали, надували, насвистывали и наигрывали тутъ кто во что гораздъ. Меня пригласили сопровождать пѣвицу на фортепіано. Пробы дѣлались на одномъ фортепіано, а къ концерту принесли другое, незнакомое мнѣ дотолѣ, съ музыкой Сидора Еремеича, то

есть, съ фаготами, кларнетами, свистками, словомъ, съ цѣлымъ оркестромъ, и даже съ турецкимъ барабаномъ. Извѣстно, что все это приводится въ движение во время игры особымъ педалемъ. Я полагаю, не разсмотрѣвъ напередъ фортепіано, что педаль внизу обыкновенный; пожаль его во время концерта на самомъ великолѣпномъ мѣстѣ аріи, въ которой переливалась сладкозвучная пѣвица: и адскій шумъ всѣхъ возможныхъ звуковъ, на—разладъ съ громовымъ стукомъ турецкаго барабана, огорошилъ испуганное ухо мое! Пѣвица чуть не обомлѣла; слушатели сначала вздрогнули; потомъ поднялся хохотъ, и этотъ несчастный случай едва не лишилъ меня всѣхъ учениковъ и ученицъ: мать пѣвицы по—крайней—мѣрѣ прилагала къ тому стараніе и оставалась до конца непримируемымъ моимъ врагомъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Отъ фортепіано съ турецкимъ барабаномъ
до кочерги и щетки.

Зима прошла; я свелъ счеты свои, и убѣдился, что хотя и преподаваль въ Комлевѣ усердно всѣ искусства и науки, но нескоро заработкаю себѣ кормовыя деньги на первые полгода столичной жизни. Мнѣ казалось выгоднѣе побыть съ годъ у какого-нибудь помѣщика, на всемъ готовомъ: тогда жалованье, хоть оно и не велико, можно бѣ было сберечь почти все. Сидоръ Еремеичъ помогъ мнѣ и въ этомъ: помѣщикъ трехъ сотъ душъ, — не шутка! —

Василій Ивановичъ Порубовъ, взяль меня, на мѣсто прогнанного имъ Нѣмца, въ домъ, за четыреста рублей въ годъ, на всемъ готовомъ. Я крайне обрадовался: въ годъ заработкаю четыреста рублей и съ ними пойду въ Питеръ!

Василій Ивановичъ жиль въ деревнѣ, верстахъ въ пятнадцати отъ Комлева. Онъ былъ давно уже вдовъ, и радѣль о воспитаніи дочери и сына: ей двѣнадцать, ему пятнадцать лѣтъ. Василій Ивановичъ служилъ въ молодости въ гражданской службѣ. Онъ пришелъ однажды къ начальнику своему съ горькой жалобой на

судьбу свою, которая не даетъ ему ходу, не жалуетъ ни какихъ отличій: Василій Ивановичъ просиль уніженно уважить просьбу его и представить къ повышеню, къ какой-либо наградѣ. Начальникъ посмотрѣль на него какъ-то чудно, и спросиль сухо: «Развѣ вы думаете, что довольно жить и быть здоровымъ, для того чтобы получать награды?» Василій Ивановичъ согласился безпрекословно, что, кромѣ этихъ случайностей, необходима пуще всего милость начальства, безъ которой-де трудно заслужить что-нибудь. Начальникъ захочоталь и сказалъ: «Правда, Василій Ивановичъ, правда! Прощайте же!» Порубовъ поклонился, вышелъ, въ твердой надеждѣ, что его скоро представятъ за отличіе; хвалился даже товарищамъ, что начальство къ нему милостиво и обѣщало его повысить; но, прождавъ нѣсколько времени, и выждавъ только награжденіе двухъ младшихъ по чину сослуживцевъ, разсердился, вышелъ въ отставку, и утѣшился тѣмъ что выхлопоталъ себѣ при отставкѣ слѣдующій чинъ.

Когда я прибылъ къ Василью Ивановичу въ усадьбу, то встрѣтилъ его въ воротахъ барскаго дому въ слѣдующемъ поѣздѣ: на старый, высокій каретный ходъ, тѣхъ временъ, когда еще, вмѣсто рессоръ, употреблялись одни ремни съ зубчатыми колесиками, были поставлены, для легкости, вмѣсто каретнаго кузова, ободранныя большія кресла, и на нихъ сидѣлъ баринъ; на высокихъ козлахъ сидѣлъ малый, а позади ходу привязана была большая деревянная лошадь, поставленная на колеса; на этой лошади сидѣлъ пятнадцати–лѣтній Митенька, мой будущій ученикъ, и погоняль плетью деревяннаго коня своего, между–тѣмъ какъ тятењка его очень снисходительно со мною разговаривали, и обѣщавъ скоро воротиться, просили войти въ домъ. Василій Ивановичъ такимъ образомъ ъздили каждый день съ сынкомъ покататься и обѣзжалъ всѣ межи свои, всѣ межевые столбы и ямы. Вошедши въ домъ, откуда Василья Ивановича сейчасъ только выпроводили и, какъ видно было, въ эту минуту никого не ожидали, я встрѣтилъ въ

первой комнатѣ еще поѣздъ, другаго, не менѣе страннаго, роду: барышня каталась, верхомъ же, на тучной здоровой дѣвкѣ, которая, съ ужаснымъ хохотомъ и крикомъ, прыгала курцъ—галопомъ назадъ и впередъ, между—тѣмъ какъ цѣлая стая дворовыхъ ребятишекъ и дѣвокъ, окружавшая потѣшное зрѣлище это, съ такимъ же неистовыимъ крикомъ, скачками и взмахами обѣихъ рукъ изъявляла душевное свое удовольствіе. Когда я вошелъ, то поѣздъ съ большою поспѣшностью удалился, холопы стали по угламъ и грызли ногти, а дѣвка подошла наконецъ ко мнѣ, удерживаясь всѣми силами отъ смѣху, и сказала: «Барина дома нѣту—съ». — Это я вижу, отвѣчалъ я. Дѣвка отвернулась, побѣжала, разсѣ палась на пути неподдѣльнымъ, заливнымъ хохотомъ, на который и холопы и дѣвки, и вся дворня, единодушно со всѣхъ угловъ и закоулковъ отзвались тѣмъ же, и весь барскій домъ огласился дружнымъ, до половины замореннымъ, хохотомъ. Я сталъ оглядываться: хохотуши всѣхъ родовъ и величинъ стояли и сидѣли прижавшись

подъ столами, за дверьми, за шкафами, ширмами, словомъ, гдѣ только быль свободный уголокъ.

Часа черезъ полтора Василій Ивановичъ воротился, принялъ меня очень милостиво и радушно, кончилъ напередъ всего со мною рядъ и уговоръ, представилъ мнѣ обоихъ учениковъ моихъ и рассказалъ, за что прогналь своего Француза: онъ по–немногу завель въ домѣ галантерейную и мелочную лавочку, которую и возиль съ собою въ городъ, когда на–зиму вся семья туда перебиралась, и образовалъ изъ воспитанниковъ своихъ пребойкихъ и изворотливыхъ сидѣльцевъ.

Василій Ивановичъ быль человѣкъ очень веселаго нраву. Вечеромъ къ нему съѣхались человѣка три близкихъ сосѣдей, и вышедшій нынче вовсе изъ моды пуншъ находиль тутъ еще своихъ потребителей. Было много крику и смѣху; никто не хотѣль вѣрить, чтобы отставной служивый, какъ я, не пиль пуншу, тогда какъ Митенька выпивалъ всегда стаканъ свой съ удовольствiemъ. Двоє изъ гостей были мелкопомѣстные: по этому поводу

заязались споры, шутки и перекоры. Василій Ивановичъ торжествовалъ: онъ не упустилъ случаю разсказать любимую остроту свою, конечно, не собственного изобрѣтенія, что дворяне здѣшніе раздѣляются на три разряда, — на великодушныхъ, у коихъ болѣе ста душъ и которые, слѣдовательно, имѣютъ полный голосъ на выборахъ; на малодушныхъ, у коихъ менѣе ста; и на бездушныхъ, у коихъ нѣть ничего. Одинъ изъ малодушныхъ гостей принималъ невыгодныя отношенія свои очень къ сердцу и грозилъ весь вечеръ, стараясь перекричать собесѣдниковъ своихъ, что скоро, очень скоро, прикупить къ своимъ тридцати семи душамъ еще шестьдесятъ три, и тогда у него будетъ сотня сполна, и онъ будетъ участвовать въ выборахъ, и уже дастъ себя знать: тогда избираться будутъ во всѣ мѣста и должности одни только достойные.

На другое утро Василій Ивановичъ занялся хозяйствомъ: онъ велѣлъ подать и отмѣрять при себѣ двадцать аршинъ домотканой полосушки, собственно себѣ на халать; совѣтовался со мною, нельзя ли

намъ завести своихъ пѣвчихъ, и спрашивалъ, не умѣю ли я лечить собакъ; приказалъ отправить въ городъ, къ извѣстному птицелову Три–Ивану четверть крупъ и мѣрку коноплянаго сѣмени, на которые вымѣнялъ у него перепела и щегленка; позвалъ Ваньку и требовалъ отчету, для чего онъ вчера былъ пьянъ, и когда Ванька повинился, оправдавшись тѣмъ что ему надо было побить жену и что онъ нарочно для этого только и выпилъ немнога, то Василій Ивановичъ обратился съ вопросомъ къ Сидоркѣ, чего онъ смотритъ и скоро ли рѣшился поучить также не много жену свою, которая ни сколько не лучше Ванькиной. Наконецъ распорядившись такимъ образомъ дома, и приведя все въ порядокъ, Василій Ивановичъ поѣхалъ опять съ сынкомъ прокатиться, на межу, въ тѣхъ же дѣдовскихъ креслахъ на каретномъ ходу, и подтвердилъ только, чтобы Митину лошадь привязали сзади по–крѣпче, потому что она вчера на ухабѣ оторвалась и Митя остался—было среди дороги верхомъ на деревянномъ конѣ своеемъ и на–силу

докричался отца, который, какъ и кучеръ, не слышали крику его за стукомъ экипажа.

Такимъ образомъ я опять съ-утра остался въ домѣ съ тѣмъ же обществомъ, которое вчера такъ простодушно веселилось во время отсутствія барина; и какъ я, чтобы не мѣшать, удалился въ свою комнату, а притомъ меня уже считали своимъ и не такъ передъ мною чинились, то вскорѣ и раздался по цѣлому дому смѣхъ, визгъ и топотня босыхъ дѣвокъ, и я изъ-дали могъ отличать знакомую мнѣ поступь барышниной лошадки.

Въ своеемъ покойчикѣ нашель я еще памятникъ Француза: всѣ стѣны были исписаны, вѣроятно, по недостатку или для сбереженія бумаги, счетами купленныхъ и проданныхъ вещицъ, колецъ, серегъ, пряжекъ, иголь, пуговокъ, шелку, и прочая. Вечеромъ, опять пріехали собесѣдники и пили пуншъ, и Степанъ Степановичъ опять кричалъ громче всѣхъ и грозилъ, что скоро, очень скоро, прикупить онъ шестьдесятъ три души къ тридцати семи и тогда обѣ немъ услышать: до того времени, онъ молчить.

На третій день, опять то же: вся разница была та, что Василій Ивановичъ, послѣ коротенькаго дѣловаго утра своего, пригласиль меня ъхать съ нимъ на межу, приказавъ мнѣ осѣдлать коня, не деревяннаго, а живаго. Тутъ я увидѣль, чѣмъ Василій Ивановичъ занимается на этихъ ежедневныхъ прогулкахъ своихъ: онъ обѣзжаетъ каждый день по—очередно участокъ межи своей; лошади, затвердивъ путь этотъ наизусть, останавливаются у каждой межевой ямы, у каждого столба; Василій Ивановичъ выходитъ, осматриваетъ, любуется и ъдетъ дальше, а потомъ домой. Онъ рассказалъ мнѣ годъ, число и обстоятельства, когда которая межа проведена и столбъ поставленъ, указывалъ всѣ уроцища, по коимъ у него и предковъ его бывали тяжбы, излагая начало, ходъ и конецъ ихъ во всей подробности. Частію побѣдитель, а частію и побѣженный, Василій Ивановичъ оградился наконецъ, послѣ многолѣтнихъ и убыточныхъ тяжбъ, кругомъ и со всѣхъ сторонъ межевыми знаками, и съ этихъ—то поръ, уже лѣть девять, не можетъ нарадоваться и

налюбоваться ими и ъздить ежедневно услаждать ими зрење и душу свою. Вокругъ всей межи проложена была торная дорога. На обратномъ пути, опять оторвалась Митина лошадка; онъ на-силу нась докричался, заставилъ кучера тащить себя съ полверсты къ рыдвану и стегаль его плетью за то, что худо привязываетъ лошадку его. Василій Ивановичъ успокоиль однако жъ сынка, сказавъ: «Душа моя, Митенька, твоя лошадка бѣсится: оттого она и оторвалась». И Митя расхохотался и былъ доволенъ. Когда мы воротились домой къ обѣду и вошли въ покой, то пыль столбомъ и разгорѣвшіяся лица барышни и дѣвокъ показывали, что онъ и сегодняшнее утро, пользуясь отсутствіемъ барина, провели въ тѣхъ же пріятныхъ занятіяхъ.

Вечеромъ на половинѣ Василья Ивановича шло все по-старому: собесѣдники и пуншъ явились въ урочный часъ. Но въ дѣтской произошла небольшая перемѣна противъ прежнихъ дней: Митенькѣ здѣсь нельзя было ъздить на деревянной лошадкѣ своей, привязанной къ каретному ходу, ни Вѣрочкѣ также на

своей; поэтому они, какъ охотники до ъзды, выдумали ъздить по комнатѣ другъ къ другу в гости. Пріѣхала Вѣрочка къ Митенькѣ, на стулѣ; онъ принялъ ее привѣтливо, освѣдомился, по настоянію толстой няни, о здоровьѣ супруга гостьи своей и обѣщалъ къ ней быть съ женой. Она уѣхала, а онъ ѿдѣть къ ней верхомъ на щеткѣ и погоняетъ кочергой: послѣдняя — жена его. Но Вѣрочка не хочетъ признать ее родней, говорить, что это не жена, а кочерга. Митенька, обидѣвшись невѣжливымъ пріемомъ сестры, которая никакъ не хотѣла поцѣловаться съ женой его, ткнуль сестру наконецъ кочергой въ зубы и вышибъ ей оныхъ два.

За исключеніемъ такихъ, довольно рѣдкихъ, особенныхъ случаевъ, все шло день—за—день обычнымъ своимъ порядкомъ. Французъ выучилъ малютокъ Василья Ивановича французской азбукѣ; къ русской у нихъ не было охоты, и годъ прошелъ, когда мы остановились на раздорожицѣ, на мыслете. Василій Ивановичъ просилъ меня всегда только объ одномъ, — не торопить и не принуждать

дѣтей, итти исподволь, по-тихоньку. По окончаніи года, мнѣ плата выдана была сполна, и мы разстались съ Порубовымъ дружески, оставшись по-видимому другъ другомъ довольны,

На прощанье Митенька рассказалъ мнѣ, передразнивая голосомъ крикъ животныхъ, о которыхъ говорилъ, прибасенку: жукъ летить и говорить, убью! — гусь спрашиваетъ, каво? теленокъ отвѣчаетъ меня; а утка поддакнула такъ, такъ, такъ; а коза, подслушавъ, засмѣялась ме—е—е!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Отъ кочерги и щетки до метлы съ фонаремъ.

Пріѣзжаю къ Сидору Еремеичу, чтобы снарядиться въ путь, къ окончательной цѣли своей, въ столицу. Хотя я и видался съ нимъ нерѣдко, но онъ обрадовался мнѣ до крайности, обѣщалъ нынѣ же къ обѣду растегай и аккуратное пивцо, рассказалъ, что голосъ его все-еще не поправляется,

показалъ мнѣ вновь составленное имъ полное собраніе русскихъ музыкальныхъ инструментовъ, балалайку, гудокъ, рожокъ; поигралъ на каждомъ немногомъ, замѣтилъ, что и гусли его и торбанъ принадлежать сюда же и что онъ писалъ, черезъ птицелова Три-Ивана, на Украину, и просилъ убѣдительно прислать при первой возможности рыле, съ которою тамъ слѣпцы поютъ думы свои. Супруга его только-было начала рассказывать, какъ засѣдатель, неосторожно подгулявши, пошелъ плясать въ неприличный часъ и что засѣдателя за то скорчило «таки вотъ такъ».... и присѣла, словно сама хотѣла проплясать въ присядку, вдругъ двери растворяются и входить самъ Иванъ Ивановичъ.

Одинъ почтенный Нѣмецъ, который жилъ уже давненько въ Комлевѣ, никогда и никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы человѣка, который къ намъ теперь вошелъ, звали Иваномъ Ивановичемъ Ивановымъ. Нѣмецъ говорилъ, покачавъ головой: «Одинъ Иванъ, это должно; два Иванъ, это можно; три Иванъ, никакъ не возможно!» и,

несмотря на всѣ убѣжденія, считалъ это шуткой и ничего болѣе не слушалъ. Вотъ почему Ивана Ивановича Иванова звали въ Комлевѣ Три-Ивана. Подъ этимъ прозваніемъ былъ онъ извѣстенъ цѣлому городу. Это былъ отставной и холостой чиновникъ, лѣтъ пятидесяти, который уже годовъ пятнадцать занимался только двумя промыслами, мириль тяжущихся и ловиль пѣвчихъ птицъ. Самъ онъ былъ миролюбивѣйшій человѣкъ въ мірѣ, а мириль другихъ какъ по внутреннему побужденію своему, такъ и для выслуги по статуту аннинскаго креста: ему не доставало для этого еще только двухъ мировыхъ, изъ коихъ одну онъ имѣлъ уже въ виду. Пожелаемъ ему от души креста, который старика по-видимому очень утѣшить. Право, онъ его заслужилъ. Если бы у насъ, хоть на десять ябедниковъ, былъ всюду одинъ такой примиритель!

Три-Ивана былъ птицеловъ, голубятникъ и рыбакъ, и все это въ такой степени, до которой только можетъ развиться какая-нибудь страсть человѣческая. Добродушное, округлое,

рябоватое лицо его сияло какъ воскресное солнышко, когда онъ заговаривалъ о своемъ предметѣ; а какъ онъ никогда и ни о чемъ другомъ не говорилъ, то и былъ постоянно весель и доволенъ. Остренькій носикъ, нѣсколько похожій на птичій, и каріе маленькие глазки, настоящіе огневики, оживляли еще болѣе лучезарное благополучіемъ лицо на коротенькомъ туловищѣ въ темно-зеленомъ сюртукѣ, съ закинутыми на спину или опущенными въ задніе карманы руками: иначе Иванъ Ивановичъ не ходилъ. Кожаный картузъ очень рѣдко надѣвался на лысину, а большею частію носился подъ мышкой, потому что вѣчно былъ набить разными птицеловными снарядами или живыми птичками, которыя у него не улетали даже изъ картуза: такъ онъ умѣлъ съ ними ладить; или, наконецъ, червями, рубленнымъ мясомъ, для наживки удочки. Въ этомъ видѣ ходилъ Иванъ Ивановичъ, и притомъ вѣчно присвистывалъ сквозь зубы, маниль чижка, щегла, снѣгирия или чечотку.

Три-Ивана жиль въ своей, очень опрятной избушкѣ, построенной всего на

двуихъ и двухъ съ половиной саженяхъ; на конькѣ поставлены шесты съ вѣниками, и на нихъ повѣшены цапкѣ или западочки; по угламъ забору, также на шестахъ, скворечницы; весь дворикъ представляеть родъ садика, въ которомъ большая часть небольшихъ деревьевъ подложныя, воткнутые сучья, обвязанные и обвѣшанные пучками разныхъ травъ и кустиковъ, для приманки птицъ. Посерединѣ — родъ бесѣдки, къ которой ведеть узенькій, низкій крытый ходъ прямо изъ дому, а по обѣ стороны бесѣдки — лучокъ и тайничокъ, сѣтки, которыми ловятъ птицъ и отъ которыхъ снуры проведены въ бесѣдку. Весь заборъ быль кругомъ утыканъ вѣниками и метлами, волчцомъ и коноплями, и повсюду разставлены силочки. Домъ и дворъ Ивана Ивановича быль для птичекъ очарованный замокъ, изъ которого, если онѣ только подлетали, имъ улетать не удавалось. Иванъ Ивановичъ мастерски дразниль и подзывалъ всѣхъ безъ изъятія пѣвчихъ птицъ, гонялся иногда за какимъ-нибудь щегленкомъ, которого признавалъ изъ-дали шестерикомъ или

осъмерикомъ *, по цѣлому городу, лысый, руки въ карманахъ сюртука, и безъ картуза, и все насвистывалъ, и приводилъ— таки щегла наконецъ къ себѣ на дворъ и подманивалъ подъ лучокъ. Домъ снутри и снаружи былъ рѣшительно покрытъ клѣтками всѣхъ родовъ и величинъ, работы самого Ивана Ивановича. Вы могли у него купить и промѣнять на что угодно, по договору, любую пѣвчую птичку, кромѣ чернаго жаворонка, котораго держаль онъ какъ привозную рѣдкость и берегъ пуще глазу: ему не было цѣны. На двухъ концахъ двора стояли двѣ голубятни: въ одной водились чистые, въ другой вертуны, или турманы. Избави Богъ, если одному изъ тѣхъ или другихъ вздумалось бы перелетѣть на другую голубятню! Три— Ивана бросался, завидѣвъ такой соблазнъ, какъ бѣшеный, прямо изъ окна съ хворостиной на дворъ, загоняль всѣхъ голубей по—мѣстамъ, и на цѣлыя сутки запиралъ голубятни. Это дѣлалось, чтобы породы отнюдь не перемѣшались. Зато,

* По числу бѣлыхъ пятнышекъ на хвостѣ, состоящихъ, по словамъ знатоковъ, въ тѣсной связи съ голосомъ щегла.

какіе были у Ивана Ивановича голуби! До него, черные, черноплекіе, черногривые и чернопѣгіе вертуны не водились вовсе: вѣрьте мнѣ, ни у кого въ Россіи не водились! Онъ ихъ развелъ въ свое мѣсто заводъ, на своей голубятнѣ, и отъ него уже они разошлись, и теперь, конечно, не въ рѣдкость. Онъ завозилъ голубей своихъ за сотни верстъ; даже любимая шутка его была подарить пріѣзжему охотнику голубка, показавъ напередъ, каково онъ ходить, и потомъ отъ души насмѣяться легковѣрному, который увозилъ голубя съ большими хлопотами домой, и только и видѣлъ его, покуда держалъ въ—заперти: какъ выпустишь, такъ и пошелъ прямымъ путемъ домой, въ Комлевъ, къ Ивану Ивановичу! Иногда Три—Ивана распродавалъ охотникамъ всю голубятню свою и бралъ за пару рубля по два, по три, и болѣе: черезъ двѣ три недѣли, опять всѣ дома. Охотники, бывало, только похаживаютъ вокругъ очарованного забору Ивана Ивановича, да поглядываютъ: взять нечего. Зато, какъ берегъ ихъ Иванъ Ивановичъ! какъ холилъ! какъ ухаживалъ

за бѣднякомъ, когда иной завертится и убьется! А гоняеть: безъ того нельзя. Для чего же ихъ держать! Но посмотрѣли бѣ вы, когда Три—Ивана взгонить чистыхъ своихъ! Тогда онъ отправляется обыкновенно на вышку свою, на бесѣдку, гдѣ, на кровлѣ, всегда стояль у него свѣтлый мѣдный тазъ съ водой; онъ чистился постоянно по два раза въ недѣлю, по середамъ и по субботамъ. Тамъ—то стоитъ Иванъ Ивановичъ превыше суетъ мірскихъ и глядить, не вверхъ, гдѣ голуби летаютъ, а внизъ, въ воду, въ тазъ, и видить все, видить какъ они ходятъ на кругахъ все выше да выше, и круги дѣлаютъ все меньше да меньше. Изрѣдка только, глядя въ магическое зеркало свое, покрикиваетъ онъ: «Врешь! врешь! сбился!» когда голубь выходить изъ круга; но черезъ минуту все опять было въ порядкѣ. Если же случалось, что какой—нибудь изъ голубей, несмотря на благородство крови своей и приличное данное ему воспитаніе и образованіе выходилъ не въ семью, безобразиль поведеніемъ своимъ всю голубятню,

посрамляль товарищѣй и хозяина, напримѣръ, козыряль, хлопалъ крыльями на—лету, рыскаль, садился на чужія кровли, то Три—Ивана съѣдалъ его преспокойно на другой же день въ бѣломъ соусѣ. Верхъ торжества для Ивана Ивановича было, когда онъ успѣвалъ сманиТЬ и загнать чужаго голубя. Но онъ никогда не позволяль себѣ при этомъ какихъ—нибудь неблагопристойностей, низостей, какъ другіе голубятники, напримѣръ, ловить голубей въ силки или тому подобное: нѣтъ, онъ дѣйствовалъ всегда на чистоту, хоть самъ хозяинъ тутъ стой; подпускаль своихъ, осаживалъ ихъ исподволь, опять подганивалъ, если нужно, а какъ—скоро только сѣль пріятель, то уже все—равно что въ рукахъ: Три—Ивана заганивалъ его прутомъ вмѣстѣ со своими въ голубятню, и тотъ уже не смѣль улетѣть, словно невидимая сила его приковала: слушается и идетъ. Но враги Ивана Ивановича, на которыхъ онъ быль золь и могъ очень сердиться, это были хорьки, ястреба, и, въ—особенности, кошки. «Я лучше дамъ себя укусить бѣшеной собакѣ,

говариваль онъ: чѣмъ позволю кошкѣ перелѣзть по моей крышѣ». И онъ, въ пятнадцать лѣтъ, успѣль убѣдить всѣхъ жителей Комлева въ непозволительности держать въ городѣ кошекъ или успѣль перебить всѣхъ ихъ, не знаю, но только въ Комлевѣ давно уже кошки перевелись: не было ни одной. Пожалуйтесь на крысъ и мышей, и Три-Ивана сію-минуту задарить васъ мышеловками своей работы: только не держите, не разводите кошекъ. При всемъ неограниченомъ миролюбіи его, у него бывали ссоры и тяжбы съ сосѣдями за кошекъ: онъ настоятельно требовалъ, чтобы поліція запретила держать ихъ, подводя ихъ подъ статью хищныхъ звѣрей, которыхъ пунктомъ такимъ-то держать въ городахъ запрещено. Не успѣвъ же въ этомъ дѣлѣ путемъ правосудія, успѣвалъ онъ въ немъ путемъ убѣження и самовластія: биль кошекъ всюду, гдѣ онѣ ему попадались, ловилъ ихъ въ капканы, платиль мальчишкамъ за каждую убитую ими кошку, и усовѣщевалъ жителей при каждомъ удобномъ случаѣ не держать этой подлой твари, которая бываетъ причиною

всякаго зла на свѣтѣ, лихорадки, сухотки, родимца, и прочая. Если же ястребъ, коршунъ или сорокопудъ попадались въ руки нашему Три-Ивану, то онъ, добродушнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, не довольствовался простою смертью хищника, а казнилъ его на маленькомъ лобномъ мѣстѣ и долго мучилъ и терзалъ напередъ съ разными поучительными наставленіями.

Весною и осеню Три-Ивана ловилъ пѣвчихъ пролетныхъ птицъ, какъ у себя дома, такъ и въ близкихъ рощахъ, куда уходилъ съ зарею на цѣлый день, со всѣми необходимыми снарядами; лѣтомъ ловилъ переполовъ, накрывалъ жаворонковъ и, кромѣ—того, рыбачилъ на удочку, чѣмъ занимался и втеченіи цѣлой зимы. И это дѣло, какъ извѣстно, мастера боится: никто не умѣлъ сдѣлать крючокъ, вылить въ мѣль или въ кирпичъ грузильцо, и пригнать поплавокъ такъ, какъ Три-Ивана; ни у кого рыба не клевала какъ у него, и онъ рассказывалъ вамъ подробно, сколько въ которомъ изъ ериковъ и озеръ какой рыбы счетомъ; говорилъ обѣ ней какъ о дворовой

птицѣ, какъ—будто всѣ подгородныя воды составляютъ собственность его или сняты имъ на откупъ, и онъ всю рыбу бережеть для себя одного. Часто слышали мы отъ него жалобу въ родѣ слѣдующей: «Плутъ этотъ, кривой Мишка, вытащилъ у меня изъ Грачева Озера тринадцать окуней. Что съ нимъ будешь дѣлать! Пусть ъсть на здоровье! Однако, видно, еще сотни съ полторы крупныхъ осталось».

О молодости Ивана Ивановича рассказывали въ Комлевѣ два анекдота, не знаю выдуманныхъ или истинныхъ. Говорятъ, что онъ, будучи въ то время еще страстнымъ охотникомъ до ружья и собакъ (охоту эту Три—Ивана впослѣдствіи однако же бросиль вовсе), просился изъ той губерніи, гдѣ служилъ, въ южныя губерніи Россіи, потому только, что тамъ лучше охотиться; и, второе, что Ивана Ивановича въ молодости, — еще въ чинѣ губернского регистратора или провинціального секретаря, — не помню, чиновъ, о которыхъ нынѣ уже почти не слыхать, — товарищи завели ночью въ овинъ, воробьевъ бить, взяли по метлѣ, а ему дали въ руки фонарь,

приперли ворота и, вмѣсто воробьевъ, его же бѣднаго самого гоняли по овину изъ угла въ уголъ метлами.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

**Оть метлы съ фонаремъ и до самаго
полковника и дальше.**

Какъ бы то ни было, а Три-Ивана вошелъ къ пріятелю своему Сидору Еремеичу, придерживая осторожно подъмышкой картузъ, поздоровался, подошелъ къ ручкѣ супруги хозяина, опять запустиль руки въ задніе карманы, повертывался на каблукахъ, рассказывалъ съ восхищеніемъ, какъ онъ казнилъ сегодня сорокопуда, который былъ дотого дерзокъ, что хотѣль вытащить синичку изъ клѣтки. Сидоръ Еремеичъ приказалъ подать для двухъ гостей своихъ самоваръ; хозяйка подчиваля и угощала нась усердно и, когда Иванъ

Ивановичъ, какъ человѣкъ вѣжливый, привсталъ съ мѣста и просилъ, чтобы она сама изволила выкушать чашечку, отвѣчала: «Благодарю покорно; я одну посудинку выдержала, испроповольствовалась». Сдѣлавъ должное, и успокоивъ такимъ образомъ совѣсть свою, Три–Ивана обратился ко мнѣ и заговорилъ со мной какимъ–то горестнымъ, сострадательнымъ родомъ, жалѣя и соболѣзнуя о горькой участи моей и утѣшая меня тѣмъ, что Богъ не безъ милости. Я отвѣчалъ ему, что, слава Богу, кончиль дѣла свои хорошо и теперь ѳду въ Питеръ, куда такъ давно порывался. «Какъ, ѳдете? спросилъ онъ: да вѣдь у насъ наборъ?» — Какая жъ мнѣ нужда до набору? — «Помилуйте! да вѣдь общество наше, мѣщене, отдаютъ въ рекруты: они тамъ высчитали, что очередь за вами!»

Три–Ивана не обманулъ меня: общество посыпало уже за мною въ усадьбу Порубова и, не заставъ меня тамъ, въ тотъ же вечеръ отыскalo въ домѣ Сидора Еремеича и отправило съ отdatчиками въ губернскій городъ. Я, отъ нечаянности

этого происшествія, такъ обезумѣль, что опомнился только въ губернскомъ городѣ, гдѣ засталъ уже письмо примирителя и птицелова, въ которомъ онъ, какъ законникъ, изъявлялъ сильное сомнѣніе, въ правѣ ли общество отдать меня какъ отставнаго унтеръ-офицера снова на службу, и совѣтывалъ объявить объ этомъ подробно въ присутствіи.

Одинъ изъ отdatчиковъ, ходившій хлопотать тутъ и тамъ о скорѣйшемъ пріемѣ нашемъ, воротился съ вѣстью, что подмазалъ вездѣ, гдѣ было можно: одному отдалъ самъ изъ рукъ въ руки и глазъ—наглазъ; другимъ черезъ присяжнаго, который по этимъ дѣламъ употреблялся, и, кажется, все ладно. На другое утро меня повели. Солдатомъ я служилъ, какъ читатели помнятъ, но въ рекрутскомъ присутствіи не бывалъ, а отданъ прямо, черезъ бригаднаго командира кантонистовъ. Нынѣ, поступая на службу другимъ порядкомъ, я увидѣль и другіе обычай.

Въ присутствіи, кромѣ прочихъ, былъ еще жандармскій штабъ-офицеръ и даже флигель-адъютантъ. Это не прежнія

времена, и нынѣ, при наборѣ, всякую неправду выведутъ наружу. Надобно же быть еще и такому случаю: военный приемщикъ былъ прежній ротный командиръ мой; а знаете ли, кто былъ флигель-адъютантъ?... извѣстный вамъ полковникъ!

Ну, нечего по-пустому калякать! Меня выслушали, призадумались. Дѣло было сомнительное: хотя и казалось бы, отдавать отставнаго унтера въ солдаты нельзя, но никто не смѣлъ взять на себя рѣшеніе этого вопросу, случая необыкновеннааго. И два мѣсяца прошли въ перепискѣ, на которую однако же послѣдовало рѣшеніе въ мою пользу. Я жилъ у полковника, рассказывалъ ему всѣ похожденія свои. Онъ слушалъ съ любопытствомъ и взялъ съ меня слово, что я напишу записки свои: вотъ онъ.

Полковникъ былъ здѣсь на короткое время и безъ семейства. Груша выходитъ замужъ, и, какъ говорить полковникъ, очень счастливо. Триста рублей полковничихъ къ моимъ четыремъ сотнямъ, которыя я сберегъ въ цѣлости, и

того семьсотъ, сумма почти баснословная, зашита была въ синій полу–чекмень мой, и я отправился съ обозомъ извощиковъ по пути въ Питеръ. Что мнѣ докучать читателю, не только подробностями пути, но и самаго житья моего въ Питерѣ! Я перебивался съ петельки на пуговку, съ корки на корку. Для чужаго человѣка, Питеръ — тотъ же лѣсь, а люди, покуда не обживешься, не спознаешься съ ними — тѣ же дики. Не стану пересчитывать вамъ всѣ сотни тысячъ неудачъ, которыя встрѣчалъ я каждый день и на каждомъ шагу; но дайте разсказать мнѣ два три примѣра. Менѣе всего помѣхъ встрѣтиль я со стороны медико–хирургической академіи: тамъ только нашель я радушный пріемъ и поддержку. Всего труднѣе было мнѣ зарабатывать во все время свой кусокъ хлѣба и форменный мундиръ со всею къ нему амуниціей. Учить дѣтей и переписывать съ листа, вотъ всѣ почти источники для нашего брата! Я бы не прочь и отъ черной работы; но колкой дровъ и ноской водї болѣе какъ на хлѣбъ не заработкаешь, а время убѣешь все; мнѣ же

можно было работать только по ночамъ, да между часками.

Попалъ—было я въ контору русскаго купца, съ уговоромъ работать вечеромъ по два часа; но вскорѣ стали меня употреблять вмѣсто артельщика, давать мнѣ кучу порученій на слѣдующее утро, когда мнѣ надо было быть на чтеніи. Я объяснился, это—де противъ уговору и сверхъ силь моихъ, и уволенъ былъ съ такимъ аптекарскимъ счетомъ, по которому, слава Богу, что съ меня ничего не взяли.

Попалъ я еще къ портному, для переписки всѣхъ счетовъ его на тисненой розовой бумагѣ голубыми чернилами, какъ любовныя записочки, но онъ хотѣлъ также возложить на меня, не только обязанность сборщика всѣхъ недоимокъ, но и отвѣтственность за нихъ. «Вы самъ писаль чѣть, говорилъ Нѣмецъ: вы долженъ отвѣтить. Это мой правиль».

Но самый замѣчательный въ этомъ родѣ случай былъ и съ замѣчательнымъ лицомъ. Позвольте распространиться.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Нечетная и недобрая, какъ тринадцатый гость за столомъ.

Въ началѣ семисотыхъ годовъ, когда у насъ можно было итти по самозванцы что по грибы, когда Царевичемъ Димитріемъ называлось столько людей, когда бѣдная отчизна наша, изнемогая отъ ранъ, едва въ силахъ была поднять на болѣзnenномъ одрѣ своеемъ отягченную уже оковами руку и отмахивалась отъ лжѣ–царей своихъ какъ отъ шершней и оводовъ, въ это время услышали впервые про боярина Андрея Горипалаго, который былъ по–крайней–мѣрѣ пальцемъ на одной изъ удрученныхъ рукъ своего отечества. Горипалый не былъ самъ свидѣтелемъ убіенія Царевича Димитрія; но, будучи преданъ душой отчинѣ своей и Богомъ даннымъ Государямъ, онъ вызвался для посылки къ первому тогда появившемуся самозванцу, убѣдился лично, что это не Димитрій, котораго онъ видаль, убѣдился даже, что самозванецъ этотъ былъ не–русскій, и съ

этой минуты Горипалый уже не давался болѣе въ обманъ, а убѣждалъ, кого могъ, сильнымъ словомъ своимъ, здоровымъ умомъ и теплымъ сердцемъ, не вѣрить обманщикамъ, постоять за мать—государство свое, за себя и за дѣтей и внучатъ своихъ, за кости дѣдовъ, бить поголовно незваныхъ пришельцовъ и грабителей земли русской, покуда они еще ссорятся промежъ собою; и, наконецъ, онъ же, бояринъ Андрей Горипалый, какъ говорить темное преданіе, не послѣдній вразумлялъ бояръ избрать на царство благодатный домъ Романовыхъ.

Сынъ Андрея былъ въ числѣ осьмнадцати молодыхъ людей, посланныхъ еще Борисомъ Годуновыимъ за море для ученья, и бояринъ Андрей самъ просилъ Царя объ этой милости для сына своего, милости, которой въ тѣ времена другіе боялись и вовсе ея не искали. Нисходя далѣе, находимъ потомка Андрея Горипалаго при лучезарномъ дворѣ одной изъ славнѣйшихъ въ мірѣ Императрицъ; но знаемъ объ этомъ Горипаломъ мало, почти только, что онъ уже прибавлялъ къ

прозванію своему овъ вмѣсто ый, быль искусный распорядитель пышныхъ празднествъ и пировъ, но человѣкъ съ головой, и выписалъ для сына своего чрезвычайно лощенаго, всезнающаго Француза, въ шитомъ атласномъ кафтанѣ, съ рукавами въ обтяжку. Французъ этотъ поставилъ на ноги уже на такого чудака какъ быль Горипалый Андрей. И этотъ, правда, также назывался Андреемъ, чѣмъ знаменитый гофмаршаль, отецъ его, хотѣлъ напомнить Государынѣ услуги и заслуги праотца того же имени; но Андрей въ Андрея, какъ извѣстно, не удается: иной угодить въ родъ и племя, а иной свихнется. Впрочемъ, если въ этомъ Андреѣ и было еще что-нибудь, кромѣ лица, человѣческое, то уже въ сынѣ этого Андрея, въ Данилѣ Андреевичѣ Горипаловѣ, свѣтское воспитаніе нашего вѣка добилось наконецъ настоящаго первообраза своего, полновѣснаго вельможи. Довольно любопытно слѣдить такимъ образомъ, какъ мы теперь, за цѣлымъ поколѣніемъ, и видѣть, какъ природа постоянно борется съ искусствомъ

нашимъ, какъ порывается родить человѣка, но, исподоволь пересиленная, переспоренная воспитаніемъ нашимъ, нерѣдко наконецъ должна уступить ему и произвести на свѣтъ, въ третьемъ, четвертомъ колѣнѣ, Богъ—вѣсть что такое. Тутъ, въ Даниилѣ, кажется уже нечего было ни чинить, ни портить; а онъ вылился съ самаго первоначала какъ ему быть слѣдовало, — ни толстъ, ни тонокъ, ни коротокъ ни дологъ, а такъ, очень видный, рослый, плотный, хорошо—сложенный мужчина. Лобъ у него былъ превысокій, уши плоскія, огромныя, брови густыя и морщины надъ ними очень благообразныя; глаза также большіе, но какие—то междоумки: трудно было рѣшить съ первого взгляду, что въ нихъ сквозило, чѣмъ они блестѣли, тупеемъ ли, остреемъ ли, съ—лица ли, или съ—изнанки; но въ нихъ была какая—то важная остойчивость, а расходящіяся отъ вѣнчнихъ уголковъ глазныхъ къ вискамъ связки мелкобороздыхъ морщинокъ придавали даже иногда глазу Гаврилы Андреевича видъ какой—то прозорливости. Лицо его

было вообще довольно окладистое, черты всѣ очень соразмѣрныя; но что бросалось въ глаза при первой встрѣчѣ съ Гаврилою Андреевичемъ, и чему завидовали всѣ сверстники и даже наголовники его, это удивительное искусство, съ которымъ природа расположила на лицѣ его всѣ морщинки и складочки: онъ были такъ правильны, такъ отчетисто и чисто подобраны, что нельзя было бы вытиснуть ихъ лучше рубчатымъ утюгомъ. Все это вмѣстѣ придавало лицу Гаврилы Андреевича, слѣдовательно и ему самому, видъ чрезвычайно основательный, разсудительный, важный, дѣловой, а для нѣкоторыхъ даже умный: онъ и слыль тонкимъ политикомъ.

Я одно время работалъ немного на Гаврилу Андреевича... Не подумайте однако же, чтобы шилъ на него сапоги: нѣтъ, это было дѣло знаменитаго Аренса; я сдѣлалъ, по заказу, нѣсколько выписокъ изъ огромнаго тяжебнаго дѣла, и поэтому былъ разъ или два въ кабинетѣ этого вельможи, видѣль также, какъ онъ принималъ однажды поутру десятка два дѣловыхъ

посѣтителей, большею частію по службѣ, и могу вамъ все это пересказать: разумѣется, что оно останется между нами. Съ этимъ же условіемъ я признаюсь вамъ также, за что я потерялъ довѣренность Гаврилы Андреевича и почему впослѣдствіи уже кабинетъ его сдѣлался для меня столь же недоступнымъ, какъ и гостиная его. Мнѣ слѣдовало получить за труды мои сто семьдесят пять рублей, по уговору; я былъ такъ неостороженъ, что деньги эти мнѣ понадобились, и какъ никто мнѣ ихъ не приносилъ, то я за ними осмѣлился прійти самъ. Съ-тѣхъ-поръ, Гаврилы Андреевича, по нынѣшній день, все нѣть да нѣть дома, и я ему уже не работникъ. Если бы вамъ можно было, при свиданіи съ Гаврилою Андреевичемъ, — напримѣръ у князя Соломкина: я знаю, что вы тамъ бываете, — если бы, говорю, можно было напомнить какъ-нибудь Гаврилѣ Андреевичу о нижайшемъ ожиданіи моемъ, то вы бы меня этимъ очень одолжили.

Дома, и одинъ про себя, Гаврила Андреевичъ жиль по-своему и для себя, а у людей или при людяхъ по-больше—

свѣтски. Поэтому и надобно отличить въ немъ двухъ особъ, два лица: Гаврило Андреевичъ домашній, свойскій, себѣ на умѣ, и Гаврило Андреевичъ гостинный, свѣтскій, или, какъ нынѣ сказали бы, салонный. Домашній ходилъ въ лиловыхъ плисовыхъ сапогахъ, въ китайскомъ парчевомъ халатѣ, съ непокрытой головой, на которой сѣдые, не совсѣмъ рѣдкіе волосы причесаны были просто, безъ всякихъ затѣй; въ правой рукѣ у домашняго Гаврилы Андреевича почти безвыходно жила большая табакерка и двойной индѣйскій платокъ, то есть, два платка, сложенные одинъ на одинъ вмѣстѣ: это заведено было ради всегдашняго затяжнаго насморку. Домашній Гаврило Андреевичъ всегда плеваль въ серебряную чашку съ граненой, вызолоченной крышкой, всегда садился между двухъ зеркалъ, когда его причесывали, и открякивался, харкалъ и пыхтѣль, во все время этой продѣлки, особеннымъ, звучнымъ и величественнымъ образомъ, не спуская большихъ глазъ своихъ съ зеркала; домашній глядѣль всегда сухо, важно, былъ молчаливъ,

угрюмъ, спрашивалъ, отвѣчаль и приказывалъ всегда односложными словами, — да, — нѣтъ, — ну, — а! И, наконецъ, у домашняго нижняя губа всегда казалась нѣсколько отвислою или по крайней—мѣрѣ она выпячивалась немнogo впередъ. Въ гостиномъ, больше—свѣтскомъ Гаврилъ Андреевичъ, всего этого и слѣду не было: прическа изъисканная; подчерненый помадой курчавый волосъ въ завиткахъ; чулки и башмаки, хотя уже короткихъ штановъ не носили; на пальцахъ богатые перстни; тонкій, батистовый платочекъ и только два такихъ же про—запасъ въ карманѣ; табакерка маленькая, осыпанная алмазами, съ изображеніемъ барскаго дворца и усадьбы села Прохорова, наслѣдія Горипаловыхъ; походка важная, но не спѣсивая; лицо привѣтливое; нижняя жъ губа подбиралась всегда на свое мѣсто; притомъ, всегдашия улыбка, шутливость и веселость. Изъ всего этого вы изволите видѣть, что хотя Гаврило Андреевичъ лобъ и уши свои носилъ безсмѣнно и въ гостяхъ и дома, но что все это принимало въ большомъ свѣтѣ какъ—то иной видъ и

образъ: тамъ праздничный, а тутъ будничный; въ свѣтѣ Гаврило Андреевичъ ходилъ на-лицо, а дома сидѣлъ на-изнанку; или, можетъ-быть, на-оборотъ, — какъ угодно.

Утро у Гаврилы Андреевича было дѣловое, и я обѣщалъ вамъ разсказать занятія одного такого утра, въ которое мнѣ случилось простоять съ часъ мѣста въ приемной благодѣтеля моего.

Когда ударило одиннадцать, то Гаврило Андреевичъ вышелъ, въ коричневомъ сюртукѣ, и пошелъ сряду въ обходъ, приговаривая: «Вы что?» или «Что вамъ угодно?» — смотря по степени извѣстности ему дѣла или дѣловаго посѣтителя. Впрочемъ, тутъ постороннихъ значительныхъ лицъ не было вовсе: это все почти были свои.

Первый чиновникъ подаль списокъ и отчетъ по данному ему порученію, распорядиться приглашеніемъ половины столицы на вечеръ. Тутъ Гаврило Андреевичъ, развернувъ расположенный по азбучному порядку списокъ, съ первого взгляду замѣтилъ, что на букву С кого-то

недостаетъ: слѣдовало быть, какъ Гаврило Андреевичъ зналъ на—память, девять человѣкъ, а тутъ только осемь. Чиновникъ, служившій, какъ видно, по этой части не первый день, даль на это, не запинаясь, удовлетворительный отвѣтъ, объяснивъ, что одинъ С изъ столицы, а слѣдовательно и изъ букваря Гаврилы Андреевича, выбылъ.

Другой чиновникъ, собою очень благовидный, поклонился, сказавшись чиномъ и прозваніемъ, и просилъ покорно какого—то незанятаго доселъ мѣстечка, ссылаясь притомъ, относительно себя, на двухъ извѣстныхъ Гаврилѣ Андреевичу лицъ. Гаврило Андреевичъ заставивъ чиновника повторить трижды имя свое, сказалъ потомъ, прищурясь и приподнявъ голову, что какой—то одно—прозванецъ просителя служилъ у Ивана Петровича и былъ удаленъ по неблагонадежности своей: такъ ужъ не онъ ли это? — и, на отвѣтъ просителя, что онъ у Ивана Петровича не служилъ и никогда и ни откуда удаляемъ не былъ, отвѣчалъ, кивнувъ головой и проходя далѣе: «Да, ну, обѣ этомъ надобно прежде

обстоятельно узнать». Проситель поклонился и тутъ же вышелъ.

Еще чиновникъ принесъ, на выборъ и благоусмотрѣніе Гаврилы Андреевича, печатные дѣловые бланки съ вычурными, узорчатыми заголовками. Горипаловъ изволилъ разсматривать ихъ съ большимъ вниманіемъ, относя все дальше и дальше отъ себя, во всю длину руки, и, закидывая назадъ голову, повертывалъ листъ въ рукахъ, сличаль, сравнивалъ; но какъ очковъ у Гаврилы Андреевича при себѣ не было, а дѣло показалось ему слишкомъ важнымъ, чтобы рѣшить его такъ, на скорую руку, то и было чиновнику приказано обождать, съ тѣмъ чтобы, по окончаніи выходу, заняться этимъ основательно и на—досугъ, въ кабинетъ.

Наконецъ очередь дошла и до низенькаго, черноволосаго чиновника съ анненскимъ крестомъ на шеѣ, на котораго я давно уже смотрѣль, не понимая какія у него въ рукахъ разноцвѣтныя досечки. Это, какъ оказалось, были образчики красокъ, для окраски половъ, дверей и оконъ въ департаментъ. Это отвлекло

Гаврилу Андреевича уже вовсе отъ дальнихъ докладчиковъ, и дѣловое утро тѣмъ кончилось. Сперва изволили рассматривать образчики отъ свѣту и противъ свѣту, къ себѣ и отъ себя, прямо и сбоку; потомъ подошли къ окну и дѣлали разныя замѣчанія насчетъ цвѣту, виду, цѣны; сравнивали, сличали, клали досечки на поль и отходили отъ нихъ, и заходили со всѣхъ сторонъ; приказывали держать ихъ въ рукахъ, подымая выше головѣ, и отходить, и постепенно приближаться; а наконецъ изволили отправиться въ кабинетъ, унести съ собою образчики, и позвать туда же низенькаго чиновника съ анненскимъ крестомъ и уже другаго съ извѣстными бланками.

Слышавъ своими ушами, какъ Гаврило Андреевичъ изволили приказывать чиновнику, который приходилъ съ зазывнымъ спискомъ для раута, чтобы на офиціантовъ справить къ этому вечеру бѣлые атласные жилеты и шелковые чулки, я уже ни сколько не призадумался подойти къ Горипалову съ покорнѣйшею просьбой приказать выдать мнѣ мои сто семьдесятъ

пять рублей, о коихъ, конечно, полѣнились—де доселѣ довести до его свѣдѣнія, между тѣмъ какъ они мнѣ, бѣдному человѣку, крайне нужны. Но, видно, я отъ робости говориль такъ тихо, что Гаврило Андреевичъ меня и не слышалъ: по—крайней—мѣрѣ они не обратили на меня ни какого вниманія, а впослѣдствіи швейцарь уже не пускалъ меня болѣе въ домъ, и должокъ остался за Гавриломъ Андреевичемъ по сегодняшній день. Вотъ вамъ все.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Отъ главы тринадцатой и до пятнадцатой.

Всѣхъ лучше и вѣрнѣе, какъ узналь я на опытѣ, платить господа сочинители за перебѣлку сочиненій своихъ, особенно стихотворцы, если только угодишь ихъ вкусу размѣщеніемъ и пригонкой стиховъ и выборомъ прописныхъ буквъ. Разъ, помню, досталось мнѣ перебѣлять огромное предположеніе одного знаменитаго

прожектёра, о томъ, чтобы, для исправленія народной нравственности, забить въ кабакахъ глухо двери и сдѣлать только стойки въ окнахъ прямо съ улицы. Разсужденіе это начиналось словами: «Въ предметѣ томъ, поелику, ибо, и въ тѣхъ видахъ, для соблюденія казеннаго интересу», и прочая.

Наконецъ попалъ я на колею, которая избавила меня отъ всѣхъ крайностей денежной нужды; но это было уже въ послѣдній годъ моего курса. Судьба свела меня съ журналистомъ, который сдѣлалъ изъ меня, какъ изъ многихъ другихъ молодыхъ людей, если не писателя, то по крайней–мѣрѣ писаку. Я писалъ по–заказу обо всемъ, о чёмъ писать меня заставляли, получалъ небольшія деньги всегда сполна, и видѣлъ послѣ статьи свои въ печати съ разными прикрасами и съ загадочными подписями двухъ буквъ, взятыхъ на выдержку изъ азбуки нашей.

Вотъ сколько я наговорилъ о побочныхъ и частію пустыхъ предметахъ, окружавшихъ меня во время четырехъ–годичнаго курса, а не сказалъ ничего

собственно о послѣднемъ, о занятіяхъ моихъ. Все шло чинно, мѣрно, тихо, и я получилъ наконецъ, —дѣйствительно заслужилъ и получилъ, — дипломъ лекаря первой степени. О! это стоило для меня всѣхъ первостепенныхъ звѣздъ на свѣтѣ! Давнишнія, завѣтныя мечты мои исполнились: я самъ себѣ заработалъ и пріобрѣлъ почетное мѣсто въ обществѣ; и теперь не стыдно было мнѣ называться воспитанникомъ коровницы и отставнымъ унтеръ-офицеромъ: я, напротивъ, гордился этимъ и охотно разсказывалъ вся кому, кому угодно было меня послушать. Всльдъ за томительнымъ испытаніемъ, я отправленъ быль въ алтыновскую губернію уѣзднымъ лекаремъ того же уѣзду.

На пути въ Алтыновъ быль со мною странный случай: судьба, казалось, хотѣла испытать на выѣздахъ, на первыхъ порахъ, рѣшимость молодаго врача, едва только поступившаго въ это званіе. Уставши и простудившись немнога, я рѣшился переночевать въ одной деревнѣ, тѣмъ болѣе что я выѣхалъ изъ столицы сейчасъ послѣ назначенія своего и противъ поверстнаго

сроку опоздать не боялся. До—свѣту еще сдѣлался въ избѣ шумъ и вопль. Я вскочилъ, думая, что пожаръ; но оказалось другое: какой—то бродяга повѣсился на воротахъ у хозяина моего, и баба, идучи по—воду, кинула ведра свои, бросилась въ избу и подняла страшный вой. Я сняль немедленно висѣльника, несмотря на всѣ убѣжденія хозяина, и старался привести его въ чувство; но старанія мои были тщетны. Между—тѣмъ мужики собрались, старосты и прочее деревенское начальство также, и объявили мнѣ рѣшительно, что не выпустятъ меня изъ села, покуда не прїдетъ исправникъ: даже поговаривали довольно громко, что меня должно посадить подъ караулъ. Ни какія убѣжденія и угрозы мои не помогли: меня стерегли, караулили, не давали лошадей, продержали трое сутокъ, до прибытія исправника. Къ крайнему удивленію моему, этотъ, не только нашель распоряженія мужиковъ вполнѣ основательными, но посадивъ—таки хозяина моего и сосѣдей его подъ караулъ, и осуждая поступокъ мой какъ крайне неблагоразумный и подозрительный,

увѣряль, что никакъ не можетъ понять, какая мнѣ, постороннему человѣку, была нужда мѣшаться въ такое уголовное дѣло, и требовалъ, чтобы я ъхалъ съ нимъ въ уѣздный городъ. Показавъ ему свою подорожную, я объявилъ положительно, что никуда бы не поѣхалъ по подобному настоянію его, но что мнѣ дорога и безъ того лежить туда, и потому милости просимъ, если угодно, ъхать вмѣстѣ. Тамъ держать меня долѣе не посмѣли, взяли только отъ меня письменное показаніе во всемъ и напорочили бѣду неминучую. Бѣды, конечно, не было; но перепиской по этому дѣлу мучили меня болѣе году, и самъ инспекторъ управы очень былъ недоволенъ неумѣстнымъ рвеніемъ моимъ и судиль точно какъ коломенскій исправникъ: «Начто мѣшаться и вязаться не въ свое дѣло!» — А если бы висѣльникъ былъ еще живъ? возразилъ я. Но инспекторъ оставался при своемъ: «Какое вамъ до него дѣло! Начто въ такія непріятности мѣшаться?»

Прибывъ въ Алтыновъ и принявъ дѣла свои, я, при первой поѣзdkѣ, для

освидѣтельствованія какого–то мертваго тѣла, открылъ изобрѣтательную промышленность моего лекарскаго ученика, который, при покойномъ предмѣстникѣ моемъ, управлялъ врачебно–полицейскими дѣлами уѣзда и, съ большимъ умѣньемъ и знаніемъ всѣхъ обстоятельствъ и отношеній, обдѣльвалъ самыя щекотливыя и тонкія дѣлишки. Въ одномъ довольно значительномъ селеніи, черезъ которое мнѣ довелось ъхать въ сопровожденіи правой руки моего предмѣстника, крестьяне рѣшились отправить ко мнѣ въ избу цѣлое посольство мимо низшей инстанціи, моего подручника, который, стоя въ сѣняхъ, старался выпроводить взашей незваныхъ гостей, спасибо не робкихъ: вытолкалъ ихъ въ дверь, они подошли къ окну, съ нижайшею просьбою отсрочить имъ сборъ по сороку копѣекъ съ дыму, который разложилъ моимъ именемъ расторопный ученикъ (только, право, не мой) на все село, за прививаніе оспы. Я глядѣль на мужиковъ во всѣ глаза, но вскорѣ смѣкнуль въ чемъ дѣло, позвалъ ихъ къ себѣ, и все объяснилось. Это водилось

искону́ такимъ образомъ: ученикъ отправляется прививать оспу; пріѣзжая въ деревню, если можно въ рабочую пору, онъ разстанавливается какъ-можно шире на квартирѣ, шумить, кричить, грозить, требуетъ на-завтра подводъ, посылаеть во всѣ дворы обвѣщать, чтобы всѣ бабы съ ребятами собирались, и раскладываетъ по столамъ и скамьямъ ножи, ланцеты, всяkie припасы, требуетъ бинтовъ, повязокъ, и чтобы все это на каждомъ дворѣ было готово по образцу; затѣмъ и самъ вздыхаетъ тяжело, сожалѣя объ участіи малыхъ ребятъ, которыхъ велѣно рѣзать ланцетомъ и прививать такимъ снадобьемъ, о которомъ-де въ Священномъ Писаніи ничего не говорится. Бабы ревутъ, отстаиваютъ дѣтей, и мужики рады, если могутъ отдѣлаться умѣреннымъ взносомъ, котораго вѣдь и за труды, все одно, не миновать же. И десятскіе, послѣ разговору старосты съ оспопрививателемъ на-особицу, бѣгаютъ по селу и стучать въ ставни и обвѣщають «сносить по гривнѣ съ дыму, такъ лекарь, (то есть, фельдшеръ) уѣдетъ и никого не тронеть». На

слѣдующій разъ онъ пріѣзжаетъ съ тѣмъ же, и еще съ новыми угрозами, — подать жалобу, что уже и весною не давали привить дѣтей; и конецъ пѣсни тотъ же. Наконецъ случитсяѣхать уѣздному лекарю, — не говорю уже о членѣ управы, — тутъ уже всякий видить необходимость загладить прошедшее, кончить дѣло миролюбной сдѣлкой, и староста опять повѣщаетъ о сборѣ. Такимъ образомъ мой опытный помощникъ успѣль уже, по пріѣздѣ моемъ, принять моимъ именемъ необходимыя мѣры, и, видно, у мужиковъ не стало терпѣнья, и они пришли просить меня обѣ отсрочкѣ. Къ этому должно прибавить еще три слова. Я не могъ настоять, чтобы дѣло было обнаружено законнымъ порядкомъ и мой мошенникъ отданъ подъ судъ: его перевели въ другой уѣздъ, гдѣ онъ продолжалъ успѣшно службу.

Во время частыхъ разѣздовъ моихъ по службѣ, мнѣ случилось также разглядѣть однажды близенько разѣзды уѣздного землемѣра. Видѣли вы это? Оно довольно потѣшно. Пріѣзжаю однажды въ деревню,

вижу безконечный поездъ, подводъ пятнадцать, въ томъ числѣ двѣ брички, и все это набито мѣшками, кулями, сундуками, нѣсколькими полу—пьяными, какъ видно по первому взгляду, выгнанными изъ службы чиновниками, и лицами женского полу, того разряда, которыхъ называютъ у насъ салопницами, и множествомъ ребятишекъ. Спрашиваю съ удивленіемъ, что это. «Землемѣръ, отвѣчаютъ мужики, снимая шапки: Ѳдеть межевать луга наши. Все спорное: сколько лѣтъ бьемся!... И драки сколько было у насъ изъ—за нихъ! и казны сколько издержали! На—силу вотъ, Господь смиловался, вельно отмежевать». — Какой же съ нимъ обозъ? — «Да это, батюшка, что проѣздомъ собереть, муки да крупы, да овса, такъ и складываетъ на подводы и возить съ собой все лѣто, а къ зимѣ домой. Вѣдь подводы ему ни почемъ; а во что онѣ намъ становятся, того ихъ милость не разсчитываютъ. Да Богъ съ нимъ! только бы дѣло покончилъ. По рублю съ десятины взяль ужъ съ—весны: теперь, видно, по другому собирать прійдется». — Какой же

народъ съ нимъ? — «Да это нахлѣбники, батюшка. Извѣстное дѣло, куда пріѣдетъ, мужики кормятъ и его и кто съ нимъ єдетъ: только не обижай насъ. Ну, онъ и набереть нахлѣбниковъ. Они ему по цѣлковому, что ли, платять въ мѣсяцъ, а онъ ихъ все лѣто и возить по губерніи, и разставлять по квартирамъ и кормить. Тутъ глядите что будетъ: какъ только въ деревню, такъ всѣ и разбредутся по дворамъ, кричать, шумятъ, дерутся, давай того, давай сего... Что дѣлать—то станешь!»

Я уѣхалъ. Черезъ недѣлю возвращаюсь тѣмъ же путемъ: землемѣръ со свитой все—еще празднууетъ имянины свои въ той же деревнѣ, и мужики уже два раза посылали въ городъ за виномъ: слишкомъ ведро опорожнили. Наконецъ раздается по селу радостная вѣсть: Землемѣръ отдалъ чистить стралябію; значитъ, скоро пріймется за работу. Между—тѣмъ рабочіе и понятые, наряженные изъ этой и сосѣднихъ деревень, все дожидаются, хотя, конечно, домашняя работа ихъ не ждетъ. Съ этою радостною вѣстью, что астролябія чистится, одинъ изъ понятыхъ поскакалъ верхомъ въ

сосѣднюю деревню. Я уѣхалъ, и впослѣдствіи слышалъ только, что пьяный землемѣръ наставилъ межевыхъ столбовъ и вкривь и вкось, и отрѣзаль, не только мельницу, но и половину дворовъ одной деревни; а какъ столбы землемѣра — неприкосновенны, и губернскія власти не могутъ уничтожить дѣйствій его, то тяжба возобновилась и пошла по наслѣдству съ поколѣнія на поколѣніе.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Отъ плохаго расположенія духа и до хорошаго.

При такомъ образѣ жизни, службы и мыслей въ Алтыновѣ, мнѣ иногда до нестерпимости трудно было жить и служить, и я не скоро обтерпѣлся. Всякая несправедливость казалась мнѣ деннымъ разбоемъ, и я выступалъ противъ нея съ такою же рѣшимостью и отчаяніемъ, какъ противъ человѣка, который бы душиль подлѣ васъ кого-нибудь, ухвативъ его за

горло: гдѣ кричать карауль, туда я бросался со всѣхъ ногъ. Но я большею частію оставался въ дуракахъ, заслужилъ только прозваніе беспокойнаго человѣка, а горю помогаль очень рѣдко. Въ Алтыновъ требовали, чтобы вы проходили спокойно своимъ путемъ и не мѣшались не въ свое дѣло, то есть, не заботились бы о томъ, если подлѣ васъ рѣжутъ другаго, а только оберегали бы свой кадыкъ и свою голову. Управа наша, при каждомъ удобномъ случаѣ, ожидала отъ меня свой обычный азіятскій пешкишъ, ожидала, и со дня на день становилась нетерпѣливѣе, и, какъ видно было по всѣмъ пріемамъ ея, искала слушаю показать мнѣ, что долготерпѣніе ея истощилось.

Я былъ въ самомъ плохомъ расположеніи духа и раскаявался уже почти въ избранномъ мною званіи: я мечталъ принести столько пользы человѣчеству, а вмѣсто этого сидѣль теперь надъ срочными донесеніями всѣхъ родовъ и сводилъ всѣми неправдами концы, отписывался и отгрызался какъ могъ на придирики, замѣ chanія и выговоры; на важныя донесенія

свои по разнымъ предметамъ, требующимъ немедленныхъ и самыхъ дѣятельныхъ мѣръ, не получалъ вовсе отвѣтовъ, а по пустымъ, которые не стоили и полу-листа бумаги, заводились огромныя дѣла и нескончаемая переписка. Словомъ, все это выводило меня вовсе изъ терпѣнія, и я началъ думать о томъ, какъ бы перейти врачомъ въ полкъ, въ военную службу. Получаю, какъ нарочно обѣ эту пору, три письма отъ академическихъ товарищѣй своихъ, которые пошли въ армію и которымъ я писаль недавно и плакался на горькую участъ свою.

Что же они писали? Да одинъ писаль вотъ что:

«Полковникъ крайне мною недоволенъ; корпусный докторъ дѣлаетъ мнѣ строгія замѣчанія, грозить: отъ него подавно не уйдешь! Бѣда эта началась съ того, что съ одной стороны требуютъ и взыскиваютъ съ меня того, на что съ другой не даютъ средствъ, и на-оборотъ. Все это обрывается на мнѣ, и горькія, убѣдительныя просьбы и жалобы мои замираютъ въ самой глухой пустынѣ, въ

льсу людей. Другая бѣда, которая еще Богъ-вѣсть чѣмъ кончится, вотъ какая: дивизіонный и корпусный доктора требуютъ самыи строгимъ и настоятельнымъ образомъ, чтобы мѣсячныя вѣдомости были доставляемы къ сроку. Это хорошо: но я ихъ не могъ переслать по голубиной почтѣ, а могу только закончить послѣдняго числа каждого мѣсяца, и потомъ, благословясь, отправить. Но квартиры наши расположены такъ несчастливо, что вѣдомости мои не могутъ дойти по обыкновенной почтѣ въ дивизіонную квартиру прежде четырехъ пяти дней, а требуютъ, не принимая никакихъ отговорокъ, чтобы онѣ были на мѣстѣ отнюдь не позже послѣдняго числа каждого мѣсяца. Никакія представленія и убѣжденія не помогаютъ; и ни какихъ отговорокъ не принимаются: получаю выговоръ за выговоромъ, съ строжайшимъ подтвержденіемъ въ общихъ словахъ «доставлять вѣдомости къ сроку». Я попытался закончить вѣдомость двадцать—пятимъ числомъ мѣсяца и отправить ранѣе: новый строжайший выговоръ, циркулярно, по всей дивизіи. Я отправляль уже

нарочнаго, на свой счетъ: но онъ мало опереживаетъ почту и привозить мнѣ обратно тотъ же строжайшій выговоръ. Скажи, любезный другъ, Бога ради, что мнѣ тутъ дѣлать?»

А другой писаль вотъ что:

«Показать искусство или познанія свои, — въ чемъ, какъ полагали мы въ слѣпомъ невѣдѣніи своеемъ, состоить обязанность и назначеніе врача, — показать себя въ своемъ дѣлѣ, на это у меня о—супору не было случаю. Старшіе чиномъ лечатся у старшихъ чинами, а о томъ, что дѣлается въ лазаретѣ, мои судьи судять, конечно, уже не по рецептамъ, какъ докажеть тебѣ нижеслѣдующій примѣръ. Одинъ генераль осматривалъ лазаретъ и, при первой встрѣчѣ со мною, окинуль меня съ головы до ногъ и сдѣлалъ мнѣ строгій выговоръ за то, что я, медикъ, не вытянулся передъ нимъ. «Куда вы, сударь, правую руку завалили? Не умѣете стоять передъ начальствомъ!» Далѣе — выговоръ за помятые постели, выговоръ за поношенные халаты больныхъ, за оловянную посуду, по которой только

видно было, что она въ ежедневномъ употреблениі и выставлена не на—показъ. Словомъ, ты видишьъ, тутъ рѣчь шла вовсе не о тѣхъ предметахъ, которые преподавали намъ въ академіи. Бывало, когда толковали намъ о рукахъ и ногахъ, такъ рѣчь шла о вывихахъ, переломахъ, о пульсѣ, кровопусканіяхъ, или, какъ говорить фельдшеръ мой, венесекусахъ: тутъ не то. А знаешь ли, чѣмъ старался утѣшить меня послѣ костоправъ мой, фельдшеръ, когда генераль ушелъ, посовѣтовавъ полковнику держать меня въ рукахъ? Онъ мнѣ объяснилъ загадку. «Мы маху дали, ваше благородіе! сказалъ онъ. Да я не смѣль доложить вамъ, потому что вы сами изволили распоряжаться. Бывало, при Иванѣ Кондратьичѣ, поставимъ къ смотру больныхъ по кроватямъ, не по болѣзнямъ, а подъ ранжиръ; досчечки распишемъ почище бѣлилами, которыя на этотъ случай Иванъ Кондратьичъ нарочно изъ городу выписывалъ; трудныхъ, которые не могутъ прифруниться, выведемъ вонъ, въ жидовскую корчму, либо въ баню, чтобы на глаза не попадались; прочихъ выровняемъ,

пригонимъ халаты, за сутки не велимъ ложиться, чтобы не помять постель, оловянную посуду также всю на—показъ, подъ ранжиръ, и не марали ее, а кормили больныхъ, перечистивъ все, изъ черепочековъ: аптеку также всю прибирали стеклянку подъ стеклянку, а невидное, неказистое, прятали, куда—нибудь, уносили. А вы изволили приказать выдать больнымъ для носки и туфли и халаты, и одѣяла и простыни: ну, разумѣется, больной ходить, шаркаеть, обобьетъ, ляжеть, помнетъ; оно ужъ и не въ такомъ порядкѣ. У насъ все это выдавалось, бывало, только съ смотру, и все было новое».

Какъ прочиталь я два письма любезныхъ мнѣ товарищѣй по академіи, такъ чуть не подурачился, чуть не заплакаль: больно мнѣ было за нихъ. Взяль шапку и пошелъ душу отвести къ человѣку, котораго я душевно уважаль, познавъ благородство и честность его, при нищенскомъ состояніи кармана. Это быль нашъ уѣздный стряпчій, Негуровъ. Онъ встрѣчаетъ меня весело и дружески.

Начинаю ему плакаться на горе свое, жалѣть, что избралъ эту часть, что не пошелъ служить куда–нибудь по гражданской службѣ, — «вотъ какъ ты, напримѣръ, сказалъ я, подавъ ему руку: тебя всѣ любятъ, уважаютъ; ты, и въ маломъ чинѣ и званіи своеемъ, полезенъ: а я!».....

— Постой же, сказалъ Негуровъ: не торопись мнѣ завидовать. Нѣть ли у тебя подставнаго на мое мѣсто: я могу уступить его.

— Что это значитъ?

— Какъ что значитъ! Развѣ ты не слышалъ, что я сегодня уже подалъ въ отставку и остаюсь, до–времени, съ семьей безъ мѣста?... Но Богъ милостивъ, а на Руси не безъ добрыхъ людей: найду другое.

— Да что это такое? Разскажи, Бога ради.

— Да вотъ что. Ты слышалъ, конечно, что къ намъ, вмѣсто умершаго, назначенъ былъ новый прокуроръ. Онъ — человѣкъ намъ вовсе неизвѣстный и, можетъ–быть, бездѣльникъ, а можетъ–быть и честный человѣкъ, не знаю; но, во всякомъ случаѣ,

принялся за службу свою съ первого дня очень неудачно, не только, какъ говорится, лѣвшой, но даже такъ—сказать ногой. Пишеть онъ, ни съ того ни съ сего, циркуляромъ ко всѣмъ уѣзднымъ стряпчимъ: «Предупреждаю всѣхъ стряпчихъ, чтобы они отнынѣ приняли за основаніе совсѣмъ иныя правила чѣмъ доселъ. Я не потерплю злоупотребленій, которыя введены ими въ обычай, и прошу дѣйствовать отнынѣ иначе....» Каково это тебѣ нравится! Положимъ, что у него прямое и честное намѣреніе сдѣлать добро, — хоть это, право, очень сомнительно и болѣе пахнетъ приглашеніемъ задобрить строгаго, неумолимаго начальника; но положимъ, говорю, что намѣреніе было честное: развѣ это такъ дѣлается? Развѣ можно начать исправленіе частнаго зла тѣмъ, чтобы напередъ ошельмовать всѣхъ поголовно? Развѣ можно сказать человѣку въ глаза: «Ты воръ и бездѣльникъ», — если не знаешь и не видалъ человѣка этого въ—глаза, и ничѣмъ опорочить его не можешь? Но, не менѣе того, циркуляръ поѣхалъ во

всѣ уѣзды, а мнѣ достался изъ первыхъ рукъ. Я въ тотъ же день отвѣчалъ: «Крайне болыно и прискорбно, что новый начальникъ нашъ, не узнавъ еще никого по дѣламъ и поступкамъ его, оскорбляетъ такимъ воззваніемъ всѣхъ подъ-рядъ, и праваго и виноватаго. Что же собственно до меня относится, то я и впредь буду руководствоваться тѣми же правилами, которыхъ постоянно держался втеченіи осьмнадцати лѣтъ службы своей». Прокуроръ обращаетъ мнѣ рапортъ мой съ надписью на немъ: «Предписаніе мое не требовало отвѣту. Неумѣстныхъ разсужденій не люблю. Если господину Негурову угодно, можетъ объясниться со мною лично.» Прихожу утромъ на другой день въ канцелярію прокурора, и застаю его тамъ, обще съ двумя его помощниками. «Что вамъ угодно?» — Я пришелъ по вашему приказанію съ вами объясниться. — «Какого рода объясненіе вамъ угодно? Вы обидѣлись циркуляромъ моимъ: можете обижаться; скажу вамъ въ-добавокъ, что онъ въ-особенности къ вамъ относится и что я повторяю еще на словахъ приказаніе

свое. Довольно вамъ этого или еще что—нибудь угодно?» — Довольно, отвѣчаль я: даже черезъ—чуръ много. Желаю вамъ служить и знаться всегда съ такими людьми, которые могутъ переносить подобныя выходки спокойно. — Вышелъ, и черезъ часъ прислалъ просьбу объ отставкѣ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Отъ стряпчаго Негурова вплоть до дѣвицъ Калюжиныхъ.

Когда бѣдный Негуровъ рассказалъ мнѣ все это спокойно, какъ человѣкъ, привыкшій втеченіи долговременной службы своей къ подобнымъ явленіямъ; когда я надивился спокойствію духа его и благородной вѣрѣ его въ Провидѣніе, то устыдился своего малодушія. Въ самомъ дѣлѣ, я — человѣкъ одинокій, на мнѣ не лежитъ судьба огромнаго семейства: о чёмъ же мнѣ столько заботиться? Буду прать противу рожна! буду, пренебрегая всѣми

мелочными дрязгами и кознями тщедушныхъ и проискныхъ людей, будущи своимъ путемъ, не щадя жизни своей и до послѣдней капли крови, какъ присягалъ я! А остальное предоставимъ Богу и Царю. Развѣ не удается иногда всякому изъ насъ, и самому незначительному человѣку по мѣсту, чину и званію, сдѣлать добро, отстоять правду и посрамить бездѣльничество, заклеймивъ его презрѣніемъ благородныхъ? Что же мнѣ, послѣ этого, до мелочныхъ придиrokъ, до злонамѣренныхъ покушеній, повитыхъ неправдою и вскормленныхъ криводушіемъ людей? Они за себя отвѣтъ дадуть, а мы за себя. И давно ли Негурову удалось сдѣлать доброе дѣло, и не стоитъ ли оно того, чтобы за него иногда потерпѣть? Развѣ присяга моя «до послѣдней капли крови» относится только до солдата, который буквально исполняетъ это, подставляя лобъ свой подъ пулю, а не нашего брата, у котораго иная капля поту, переработанная изъ той же крови, стоитъ капли самой крови; у котораго забота, не за свое, а за общее благо, и пря, война, единоборство за

человѣчество и правду, избородзять чело
преждевременными морщинами, изсушать
боевую жилу алой крови въ сухожилье?

Да! и Негурову недавно еще удалось
сдѣлать въ тѣсномъ кругу своею славное
дѣло! Мы были вмѣстѣ у приемки рекрутъ.
Зрѣлище жалкое. Тутъ справедливость,
строгая, святая справедливость, одна
только можетъ оставить сколько-нибудь
 успокоительныя воспоминанія. Негуровъ не
довольствовался тѣмъ, чтобы сидѣть съ
судьей и городничимъ за краснымъ
сукномъ и слушать, какъ предсѣдатель
кричитъ по-очередно — лобъ и затылокъ, а
входилъ добросовѣстно самъ во все, что
только до него касалось. Онъ взяль, между
прочимъ, всѣ посемейные списки, сидѣль
надъ ними каждый вечеръ за- полночь,
между-тѣмъ какъ прочие господа
занимались, для отдыху отъ дневныхъ
трудовъ, вистомъ, и сличаль списки эти во
всей подробности съ очередными списками
волостныхъ правленій. Рано утромъ
входитъ однажды къ Негурову молодой
франтъ своего роду, хватъ въ темно-
синемъ, тонкомъ кафтанѣ, раскланивается

по полу—барски, «я—де волостной писарь такой—то, прибылъ съ рекрутами и съ отдатчиками». — Что же тебѣ надобно? — «Да къ вашей милости. Много наслышаны объ васъ. Просимъ покорнѣйше, позвольте поблагодарить васъ». — Благодарить тебѣ меня не за что: я тебя въ—глаза не видаль и ни худа ни добра тебѣ не сдѣлалъ. Прощай. — «Да ужъ это такъ у насъ водится». — Ну, такъ у меня не водится. Пришелъ ни—званъ, поди жъ ни—гнанъ. Пошелъ! — Утромъ Негуровъ показываетъ предсѣдателю отмѣтки свои на спискахъ и, между прочимъ, говорить: «Вотъ извольте посмотретьть: тутъ что—нибудь да кроется. Что это значитъ? Севрюгины: это — семья шестериковъ, шесть мужиковъ въ семьѣ; а съ тысяча—осемь—сотъ—седьмаго года не выставила рекрута и нынѣ опять она не показана въ очередныхъ». — Это я—сь, подскочилъ молодой волостной писарь: это наша семья—сь, батюшкина—сь. У насъ нѣть способныхъ. — «Да ты первый, любезный другъ, можешь въ гвардію итти, не говоря о другихъ!»..... Но сынъ, какъ видите, волостной писарь; отецъ стариkъ у

него — коштанъ, то есть, стряпчій, повѣренный и ходатай для міру, и притомъ очень зажиточенъ: такъ дѣло всегда кое—какъ и обходилось. И нынѣ то же. Негуровъ и я не дали подкупить себя; остальные, пусть Богъ ихъ судить, что и какъ у нихъ было, но только всѣ приняли сторону волостнаго писаря, и когда мы, таки не безъ труда, настояли на томъ, чтобы его раздѣли и осмотрѣли, то онъ былъ признанъ неспособнымъ, потому что на лѣвомъ боку нашлась какая—то царапина, небольшой рубчикъ, который, по словамъ военнаго пріемщика, не даетъ ему стягивать мундира. Въ эту самую минуту вдругъ дверь растворяется, и входитъ флигель—адъютантъ, только—что прибывшій изъ сосѣдней губерніи. «Здравствуйте, господа! Какъ у васъ идуть дѣла?» — Ему, въ отвѣтъ, тотчасъ представляютъ спорный случай и волостнаго франтика, который тутъ же и стояль нагишомъ, налицо. Флигель—адъютантъ поглядѣль на военнаго пріемщика, осмотрѣль еще разъ неспособнаго, поговорилъ два слова со мной и попросилъ присутствіе принять этого

молодца на собственную его, флигель-адъютанта, отвѣтственность. Малый вздрогнуль; стариkъ отецъ упалъ въ ноги; но лобъ раздавалось уже отъ дверей къ дверямъ, и пріятеля забрили. Отецъ покаялся послѣ, что всѣ эти продѣлки стоили ему, втечениіи трехъ наборовъ, до осьми тысячъ рублей, а слѣдовательно, онъ безъ стѣсненія могъ бы давно уже поставить за сына, не только одного, но и двухъ или болѣе наемщиковъ. Одна страсть ходить кривыми путями и болѣе на нихъ надѣяться, погубила его на этотъ разъ, гдѣ онъ наткнулся на честнаго человѣка. Негуровъ спась этимъ подставнаго одиночку, то есть, одного сына у вдовой матери.

Между-тѣмъ время бѣжало; я жиль и служилъ въ Алтыновѣ уже слишкомъ годъ; а я еще ни слова почти не сказалъ о нашей общественной жизни. Замѣчательнѣйшее въ цѣломъ Алтыновѣ было, безъ всякаго сомнѣнія, семейство, или домъ, Калюжиныхъ. Этотъ первообразъ въ своеемъ родѣ, повторяющійся съ безконечными измѣненіями, — о, какъ

природа разнообразна! — въ каждомъ губернскомъ городѣ, стоять того, чтобы имъ заняться по—обстоятельнѣе. Скажу напередъ, меня звали туда какъ гостя: я не пошелъ; меня зазвали какъ врача, по обязанности моей, приняли какъ гостя, и, несмотря на ничтожное положеніе и званіе мое, — что такое уѣздный лекарь! — приняли почетно, заставили противъ воли быть гостемъ, быть своимъ, и едва—едва только отпустили душу мою на покаяніе: смерть была на носу. Изъ этого можете видѣть, какъ рѣдки и дороги въ Алтыновъ женихи: а гдѣ неурожай, тамъ и голодъ; гдѣ голодъ, тамъ человѣкъ поднимается на необыкновенныя хитрости и ухищренія.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Отъ дому Калюжиныхъ и до дому
Калюжиныхъ, или собственно объ этомъ
предметѣ.

Если вамъ только случалось жить въ какомъ—нибудь губернскомъ городѣ, то вы,

безъ всякаго сомнѣнія, знаете семейство Анны Мироновны. Примѣты его вотъ какія. Живеть она довольно открыто; мужъ служить въ порядочныхъ чинахъ, но обѣ немъ мало рѣчи: болѣе бываетъ разговору о супругѣ его, Аннѣ Мироновнѣ, которая все знаетъ, всюду бываетъ, и всюду — первая изъ первыхъ. Она числится одной изъ почетнѣйшихъ барынь въ городѣ, вывозить на вечера по три, по четыре, даже по пяти взрослыхъ дочерей, и дочери эти пристраиваются, одна за другою, по свѣтскому понятію, довольно выгодно, хотя онѣ, какъ говорится, ни съ рожи ни съ кожи, всѣ болѣе или менѣе просты, чванны, собою очень посредственны, ходять въ люди въ блесткахъ, а дома шлюхами. Домъ держится собственно Анною Мироновной, во всякомъ смыслѣ: она просить, принимаетъ и угощаетъ гостей; она и сама напрашивается куда слѣдуетъ въ гости; она же и добываетъ все необходимое для наружнаго блеску, въ долгъ, и въ счетъ, и взаймы, и на—прокатъ, и даже когда благословляла вторую дочь свою подъ вѣнецъ, то довольно богатый образъ въ

золоченомъ окладѣ быль взять ею въ рядахъ съ бою, потому что никто по доброй волѣ ей въ долгъ не вѣриль. Между—тѣмъ купцы формально отказать ей въ безденежномъ заборѣ товаровъ не смѣютъ: она слишкомъ почетное, слишкомъ извѣстное лицо въ городѣ; нравственное вліяніе ея слишкомъ велико. Это — Наполеонъ своего рода, до изгнанія его изъ Россіи съ безчестемъ, и всѣ языки должны ей покорствовать. А какъ ея, вѣроятно, никогда не изгонятъ съ безчестіемъ изъ Россіи, то изъ этого и слѣдуетъ, что она — лучшій тактикъ, стратегикъ и политикъ, чѣмъ покойный Наполеонъ. Одна дочь у ней за генераломъ или, по—крайней—мѣрѣ, за статскимъ совѣтникомъ. Въ домѣ у Анны Мироновны все очень порядочно, потому что домъ составляютъ первыя три комнаты, зала, гостиная, столовая. Далѣе не ходите: тамъ задній дворъ, гдѣ нельзя же требовать опрятности и порядку. Дочери показываются только около полудня, то есть, въ полной походной и боевой амуниціи, а если вы ихъ врасплохъ

захватите, то онъ, какъ маменькины ученицы въ военномъ искусствѣ, поспѣшно отступаютъ, уничтожая за собою всѣ переправы и затрудняя преслѣдованіе, то есть, онъ бѣгутъ опрометью вонъ, захлопывая за собою двери. Какъ быть! домашній капотецъ скоро затаскивается; платчишко, если даже и его случится накинуть, также; а чѣмъ всю будничную аммуницію эту строить новую, такъ лучше поберечь деньжонки на выѣздное и щегольское платье. Конечно, барышни наши не такія лютыя хозяйки, чтобы домашнее платье изнашивалось или маралось отъ хозяйствихъ трудовъ и работъ: о, нѣть! на это есть у нихъ, слава Богу, и Машка, и Сашка, и старуха Сидоровна; но вѣдь нельзя же и уберечься за всякой часъ: то придется помадиться и обтереть обо что-нибудь близкое рѣки; то невзначай потрещься около шандала, либо плеснешь на себя чего-нибудь. День-за-день, въ одномъ да въ одномъ, не набережешься; и не кчему, впрочемъ, признаться: это — домашнее. Мыть бы можно платье это, конечно, но и тутъ встрѣчаются разныя

помѣхи: не всегда есть подъ рукой бальныя обноски, которыми бы можно временно замѣнить будничное платье, а вѣдь неходить же, такъ, ни въ чемъ: этого нельзя; это не водится, даже и въ самыхъ отдаленныхъ домашнихъ комнатахъ Анны Мироновны, хотя туда, кромъ посвященныхъ въ домашнія тайны, не заглянетъ ни одно человѣческое око. Кромѣ—того, дѣвки заняты нужнѣйшимъ: то шьютъ наряды, то стираютъ по—необходимости бѣлье, то штопаютъ чулочки, если они повредятся выше пятки и подошвы, на видномъ мѣстѣ: въ противномъ же случаѣ собираютъ петельки на одну нитку и затягиваютъ въ курчавинькой комочекъ. Еще и то сказать, привычка — та же природа: не хочется разстаться съ блузой, къ которой привыкнешь, и знаешь уже наизусть гдѣ недостаетъ пуговки, гдѣ оборвалась петелька, и привыкъ уже ко всѣмъ сподручнымъ ухваткамъ, какъ ее тамъ безъ большаго труда придерживать. А наконецъ зимою, когда барышни носятъ стеганые капоты, то ужъ вы и сами знаете, что мыть такую вещь не удобно; и тутъ по—

неволѣ ходиши осемь мѣсяцевъ въ салѣ и во всякой всячинѣ. А кто же виноватъ, что у насъ климатъ такой суровый и зима долгая? Говорять, что это даже и самому Наполеону было вредно: а вы хотите, чтобы такое обстоятельство осталось безъ вліянія на домъ Анны Мироновны.

И такъ, если вы живали въ губернскихъ городахъ, то вы, конечно, домъ этотъ знаете.

Такое точно семейство жило въ Алтыновѣ. Герасимъ Степановичъ былъ старшимъ по чину и вліянію совѣстникомъ одной изъ палатъ, и ему ни въ какомъ случаѣ не слѣдовала казенная квартира, но Анна Мироновна съумѣла такъ устроить дѣла, что ему дань былъ довольно обширный казенный домъ, хотя, правда, нѣсколько въ ветхомъ состояніи; но зато постоянно отпускался ремонтъ, а Герасимъ Степановичъ надѣялся вскорѣ домомъ этимъ, по праву десяти-лѣтней давности своего въ немъ проживанія: онъ надѣялся вскорѣ купить домъ съ молотка... такъ, рублей за семь съ полтиной. Домъ былъ уже, стараниемъ Анны Мироновны,

удостоенъ въ негодность,
освидѣтельствованъ, и донесено, что даже
строительные припасы всѣ отъ ветхости
пришли въ негодность. Всѣ въ городѣ были
одного мнѣнія насчетъ Калюжиныхъ: всѣ
знали, что Герасимъ Степановичъ не
надсядется въ защиту какого-нибудь
безгласнаго подсудимаго, да и вообще не
станетъ подрываться куда-нибудь безъ
какихъ-нибудь особенныхъ видовъ и
нужды. Но у Герасима Степановича въ
вѣдомостяхъ графа «состоитъ» одного
мѣсяца, соотвѣтствовала графъ «состояло»
слѣдующаго мѣсяца, а итоги подъ суммами,
дѣлами и арестантами, всегда были вѣрны.
Всѣ знали, что онъ, не имѣя состоянія,
нуждался въ подкрѣпленіяхъ постороннихъ,
особенно при его родѣ жизни, и потому
никто не удивлялся, если случай, тутъ или
тамъ, раскрывалъ какое-нибудь
обстоятельство и молва пускала его со
всѣми окolicностями по бѣлу-свѣту: это
было въ порядкѣ вещей, и обѣ этомъ
говорили только какъ о всякой городской
новости, какъ о томъ, что къ купцу
Шугаеву привезенъ изъ Нижняго свѣжій

товаръ, что Оома Ивановичъ даеть вечеръ, а на Степанидѣ Семеновнѣ было опять новое платье, седьмое втеченіи зимы. Иногда, правда, дивились исподтишка, отчего Герасиму Степановичу все съ рукъ сходитъ. Семнадцать лѣть живеть онъ въ этой должности въ Алтыновѣ; семнадцать лѣть всѣ знаютъ все, что знать можно, и по разу или по два въ годъ бывають яркіе, разительные случаи, гдѣ весь городъ, наостривъ уши ждетъ — что-то будетъ теперь Герасиму Степановичу, неужели и это такъ пройдетъ? И проходить! Весь городъ знаетъ и перечтеть вамъ по пальцамъ всю крайность домашнихъ обстоятельствъ Калюжиныхъ, странные и позорные происки ихъ, замѣчательныя и многосложныя соображенія и дѣйствія Анны Мироновны потайными пружинами и рычагами въ разныхъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, и особенно, если нужно пристроить одну изъ дочерей-погодковъ. Словомъ, Калюжины составляли семью анекдотическую; но, при всемъ томъ, занимали по всѣмъ тремъ размѣрамъ пространства, въ длину, въ ширину, и въ

глубину, одно изъ первыхъ мѣсть въ обществѣ. На всякой порядочной свадьбѣ въ городѣ Анна Мироновна бываетъ посаженою матерью или Герасимъ Степановичъ отцомъ; все купечество было помѣшано на томъ, что Анна Мироновна, какъ главнѣйшая половина счастливаго супружества, какъ одно изъ почетнѣйшихъ лицъ въ городѣ, должна вложить серги невѣстѣ, когда ее повезутъ подъ вѣнецъ; а у каждой изъ дѣвицъ Калюжиныхъ было въ городѣ крестниковъ и крестницъ по пятнадцати.

За долги Анны Мироновны лавочникамъ и сидѣльцамъ расплачивались всегда посторонніе: это было такъ заведено исконѣ, и Анна Мироновна не видѣла никакой причины измѣнять такой порядокъ. Расплата эта происходила двоякимъ образомъ, или собственно посредствомъ просителей, которые, по здравому разсудку своему, всегда уже являлись къ Аннѣ Мироновнѣ съ расписками отъ купцовъ въ уплатѣ счетовъ ея, или же обыкновеннымъ и законнымъ порядкомъ, черезъ алтыновскую комиссию погашенія долговъ

Калюжинъхъ. Комиссію эту составляли всѣ наличные жители, весь городъ. Купцы раскладывали на нихъ, по счетамъ своимъ, долги Анны Мироновны и набавляли цѣну на товаръ, отчего и можно было сказать безъ всякаго преувеличенія, что въ Алтыновъ дешевле брать товары въ долгъ, если даже и платить за нихъ, чѣмъ за наличныя деньги: съ должниковъ своихъ купцы рады были получить хоть что-нибудь, а честнымъ и вѣрнымъ плательщикамъ не уступали ни гроша, а набавляли еще, говоря: «Да съ кого же намъ, батюшка, выручить? Въ убытокъ торговать нельзя!»

Для пяти дочерей, которыхъ привыкли дома называть дѣтками, не было въ домѣ ни какого особаго угла, ни днемъ, ни ночью: онѣ болтались днемъ, отъ нечего дѣлать, между залой и дѣвичьей, то по окнамъ, то по печамъ, — изрѣдка, передъ баломъ, съ какою-нибудь легонькой работой для накладки или оборки, а больше такъ, ни съ чѣмъ, въ ожиданіи вечера: вечеромъ, все какъ-то сноснѣе и скуча не такъ одолѣваетъ. Вечеромъ, если онѣ не

выѣзжали сами, непремѣнно кто—нибудь пріѣзжалъ къ нимъ, большою частію любезная и милая молодежь, которой нравилось несвязанное обращеніе въ домѣ Калюжиныхъ и которая также, вставъ поутру, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала вечера, послѣ томительного, длиннаго на этомъ свѣтѣ и скучнаго дня. Въ этомъ отношеніи, молодежь вполнѣ сочувствовала дѣвицамъ Калюжинамъ. Тутъ были славные и завидные женихи. Одинъ — съ самыми длинными въ цѣломъ городѣ ногами и съ перехватомъ: онъ, чувствуя превосходство свое, всегда становился вилами по—середи комнаты и, если можно, противъ зеркала. Другой отлично хорошо говорилъ по—французски и былъ мастеръ смѣшить до слезъ: этотъ всегда старался, занявъ нѣсколько времени и насмѣшивъ цѣлое общество, залучить на свой пай дѣвицу на—особицу, въ чемъ ему, какъ крайне образованному человѣку, никто и не думалъ мѣшать: кому же довѣрить дѣвушку, если не человѣку такой тонкой, высокой образованности, цвѣту столичнаго общества! Третій былъ не очень казистъ и

ходилъ—себѣ такъ, спустя рукава, говориль вслухъ мало, но такъ занимательно нашептывалъ и занималь вполголоса, что, однимъ словомъ, бесѣда его, надобно полагать, была очень поучительна, потому что собесѣдницы изъ дому Калюжиныхъ слушали его съ большимъ удовольствиемъ; онъ же иногда приносилъ и книги, въ другіе дома съ осторожностью и съ оглядкой, а къ Калюжинымъ, гдѣ не было ни какой цензуры, не предстояло ни какой опасности, чтобы родители полюбопытствовали узнать вкусъ услужливаго гостя, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. Иногда Калюжинимъ удавалось подхватить гдѣ—нибудь подъ—руки и посадить къ себѣ за столъ молодаго, холостаго помѣщика, особенно прїѣзжаго, и это былъ большой праздникъ. Если такого человѣка удавалось разъ подхватить подъ—руки, то его обыкновенно съ рукъ не спускали, развѣ ужъ самъ наконецъ потянется да вырвется. Такимъ образомъ вечеръ проходилъ довольно пріятно: можно было отдохнуть отъ дневной скуки и спокойно улечься около полуночи, съ

увѣренностью, что до завтрашняго вечера осталось менѣе сутокъ. Ложились барышни наши тутъ и тамъ, вповалку, гдѣ случалось: кроватей своихъ у нихъ не было, чтобы не занимать лишняго мѣста; простынь и одѣяль также, потому что это лишній расходъ, а дѣло невидное; одна лежала на одномъ диванѣ, другая на другомъ, третья на стульяхъ, четвертая на полу, и этой доставалась обыкновенно перина. Укрывались онѣ, которая стареньkimъ одѣяльцемъ, немножко излахмоченнымъ, которая салопомъ своимъ, капотцемъ да мантономъ. Хлопчатая бумага — пренесносное вещество: гдѣ только подбой или покрышка прорвется, то она такъ и лѣзеть вонь! Впрочемъ, одно изъ одѣяль этихъ было въ домѣ известно подъ названіемъ атласнаго, и за него бывало много несогласія: всякой хотѣлось одѣваться атласнымъ одѣяломъ. Атласу оставалось на немъ одна только память, да все-таки атласъ. Утромъ, всякая изъ дѣвицъ вставала съ своего ложа и, завернувшись чинно въ саплопецъ свой или одѣяльцо, отправлялась къ завѣтной

вѣшалкѣ, за ширму, снимала съ гвоздя или подымала съ полу домашнее платьице свое, тутъ же надѣвала и отопочки, башмачки, и къ обѣду умывалась, чесалась, закалывала распущенную косу, и прочая. Все это дѣлалось чинно, спокойно, молча, протирая со сна глазки. Иногда только выходили маленькия непріятности, если младшая попадала ногами въ башмачки четвертой сестры, та въ слѣдующую за тѣмъ пару, и такъ далѣе, покуда наконецъ на долю старшей оставалась пара дѣтскихъ отопковъ, въ которые она ни коимъ образомъ не могла вправить ноженъку свою. Пять паръ башмаковъ — не шутка: выходить десять штукъ! Какъ станутъ разбирать изъ кучки, куда дѣвка ихъ всѣ свалила, подобравъ въ трехъ или четырехъ комнатахъ, то иногда такая запутанная вещь выходила, что впродолженіи цѣлаго часа не могутъ барышни подобрать пару къ одному окаянному башмаку: другой не лѣзть на ногу, да и только! Между-тѣмъ, всѣ уже разбредутся по занятіямъ своимъ, одна къ окну, одна къ печи, одна немножко растянется на диванѣ, и дѣвка бѣгаетъ съ

однимъ башмакомъ по цѣлому дому и, приговаривая: «Барышня, пожалуйте—съ», ловить барышень за ноги и примѣриваеть башмакъ. Разумѣется, что та, которой достанется стоять босикомъ за ширмой и дожидаться этого розыску и слѣдствія, повышаеть отъ времени до времени плачевный голосъ свой и даеть сестрамъ, въ отчаянномъ положеніи своеемъ, приличныя поступкамъ ихъ названія. Впрочемъ, какъ выѣздные башмаки всегда поступали въ свою очередь въ будничные, а потомъ и въ утренніе, то въ общей суматохѣ до одиннадцати часовъ утра, отнюдь не позже однако жъ, можно было видѣть барышень нашихъ иногда въ одномъ розовомъ башмакѣ, въ другомъ голубомъ или зеленомъ. Случались иногда также маленькия неудовольствія и по тому поводу, что дѣвка, у которой были только двѣ руки и двѣ ноги, не могла чесать болѣе одной барышни вдругъ, между—тѣмъ какъ утро уже нечаянно проскочило сквозь пальцы, настало обѣденное время, — долгоногой, Французъ, и другіе милые посѣтители, съ нетерпѣніемъ ожидали въ гостиной выходу,

и, подходя на цыпочкахъ къ дверямъ общей жилой комнаты, прислушивались къ пискливымъ и тоскливымъ напѣвамъ барышень, негодующихъ другъ на друга и на дѣвку за остановку и проволочку. Тутъ слѣдовало бы, по справедливости, положить пеню за протори и убытки. Притомъ же и гребень одинъ, — не дюжинами жъ ихъ закупать для дому! — и какъ ни бейся, а надобно выждать очереди. Сама ни одна изъ барышень, не умѣла вычесываться, да оно, кажется, и не прилично: на это есть дѣвка. Бываетъ и то, гребень завалится куда-нибудь, за сундукъ, за комодъ, въ рукомойникъ; ударить десять, одиннадцать, и въ домъ пойдетъ такая суматоха, крикъ, пискотня, плачь, что даже жалостно слушать; ищутъ дѣвки, бѣгаютъ какъ шальныя, барышни ходятъ слѣдомъ, гуськомъ, и погоняютъ. Пора выходить: а еще нѣтъ и гребня!

Но если и парная одежда, какъ башмаки, нерѣдко разразнялись въ домашнемъ быту дѣвицъ Калюжиныхъ, то непарная, какъ само собою разумѣется, ходила съ плечь на плеча безъ всякаго

разбору. И къ этому разряду, въ—особенности, принадлежало все бѣлье: маменька и дочки носили его сподрядъ и безъ всякаго различія. Вѣдь оно мягкое, убористое: можно по нуждѣ и стянуть и распустить, и подобрать, и однимъ словомъ, это — не платье: какъ оно сидить, до того никому нѣть нужды. Обзавести каждую своимъ бѣльемъ, это не бездѣлица: полотно дорого, а никто изъ посѣтителей не удивится такой роскоши и даже не узнаеть о томъ. Предметъ, сами посудите, таковъ, что не ловко похвалиться этимъ передъ кѣмъ—нибудь, въ—глаза: оно какъ—то не приходится. И такъ бѣлье — общее; и это — новый источникъ домашнихъ непріятностей: невсегда доставало на перемѣну кругомъ, а нельзя же ходить всегда въ безсмѣнномъ, особенно лѣтомъ. Пора, когда барыни, въ полномъ убранствѣ, по узкости облитаго платья, бѣлья не носили вовсе, миновались, и безъ крайности не хотѣлось заводить такую моду *. Еще

* Это не шутка и не клевета: лѣть тридцать не съ большимъ, ни одна порядочная дама не надѣвала платье свое иначе какъ непосредственно *на себя*. У щеголихъ бывали изрѣдка батистовые рубашки.

поворъ къ раздору: подадутъ бѣлье; оно проношено или тесемочки выдернуты, висить такъ, что съ нимъ не справишься, а тутъ дѣло спѣшное. Вотъ и вскинется одна: «Это ты, Настя! Ужъ сейчасъ видно, которая вещь на тебѣ была! Это ты оборвала тесемочки!» А тутъ еще подхватить дѣвка: «Нѣтъ—съ, барышня—съ: это онъ на подвязки выдернули—съ». Ну, и пойдутъ перекоры! Поэтому и бѣлье всегда и во всѣхъ отношеніяхъ было не слишкомъ исправно. Спросить не на комъ: да и кому какая нужда обѣ немъ заботиться! Только бы съ плечъ да съ ногъ долой; а тамъ, авось, другой достанется: пусть носить какъ знаеть! Не самой же, и въ самомъ дѣлѣ, заняться вычинкой бѣлья: это не дворянское дѣло. Пожалуй, вонъ у Василья Адамовича, у директора гимназіи, говорять, дочери сами на себя башмаки тачаютъ: такъ это — другое дѣло; онъ — Нѣмки. Ужъ гораздо жъ приличнѣе русской дворянкѣ, дочери значительного чиновника, ходить дома какъ—нибудь, лишь бы въ люди показаться по—людски, чѣмъ работать на себя по—холопьи одежду. Рубахи цѣлой въ

домъ не было, это правда; оказывалась также иногда крайняя нужда въ исподницахъ и чулкахъ: но, зато, наследственный жемчугъ перенизывался по воскресеньямъ, для забавы. Это дѣлалось въ гостиной и называлось: Дѣти занимаются рукодѣльемъ. Впрочемъ, не годится и наговаривать по—пустому: барышни иногда рукодѣльничали. Онѣ, я думаю, могли вышить что—нибудь по канвѣ, гдѣ стежка идетъ на—готовую за стежкой, и ни обузить, ни посадить нечего; а бѣлошвейная работа, ну, это конечно имъ не рука: на это есть дѣвки. Конечно, всѣ вещицы, которыя ходили тутъ и тамъ подъ именемъ ихъ работы, принадлежали къ моднымъ и самыми безполезными вещамъ въ мірѣ; но вы опять—таки хотите, чтобы барышни, дворянки русскія, были ремесленницами, и работали что—нибудь годное, путное, полезное для дому. Въ этомъ—то и штука, чтобы выдумать такую вещь, которою бы вѣжливые гости могли любоваться, а между—тѣмъ видѣть по первому взгляду, что это сдѣлано для одной лишь забавы, не по нуждѣ, не для нужды, и даже вовсе не

для употреблениѧ. Когда Калюжина готовила одной дочери приданое, то справляла ей, уже отдельно отъ сестеръ, полдюжины рубахъ, шесть шелковыхъ платьевъ, одно будничное, ситцевое, но ни юбчонки, ни кофточки, а убрала зато постель, наволоки, простыни и парадное шелковое одѣяло, кружевомъ. Да! позабыль я сказать еще о носовыхъ платочкахъ: для общаго обиходу, было въ домъ съ дюжину батистовыхъ платковъ, но уголки у нихъ всѣ были прорваны и даже оторваны прочь. Это дѣлалось такимъ образомъ: вѣ бѣльѣ ихъ связывали по парно, чтобы удобнѣе перекидывать для просушки черезъ веревку, а потомъ, когда приходилось катать или гладить, то для скорости развязывали узлы зубами или просто растягивали въ-ручную, и, — видно, батистъ быль плохъ: частенько зубъ прачки проходилъ въ узелокъ на-вылетъ или кончикъ одного платка оставался въ затянутомъ узелкѣ другаго.

Съ этимъ превосходнымъ порядкомъ въ домъ согласовалось, разумѣется, и самое воспитаніе дочерей: одно другому не

уступало. Не думайте, чтобы мать ихъ баловала: нѣть! право, имъ иногда по цѣлымъ днямъ житья не было отъ нагоняевъ, если онѣ въ чемъ-либо согрѣшали противъ тактики Анны Мироновны, вынужденной обстоятельствами. Онѣ, при постороннихъ, отвѣчали головою, — которой доставалась порядочная мойка, — за всѣ невыгодныя послѣдствія поведенія, несогласнаго въ чемъ-либо съ планами матери. Но что дѣлалось за завѣтной ширмой, за перегородкой, или вообще въ домѣ далѣе столовой, счетомъ въ третьей комнатѣ отъ передней, до этого, разумѣется, Аннѣ Мироновнѣ не было ни какого дѣла: въ это она, какъ благоразумная и чадолюбивая мать, не мѣшалась, не стѣсняла воли дочерей ничѣмъ. Если, напримѣръ, Калюжины приглашены были на обѣдь или на вечеръ, то ни какая головная боль, ни угаръ, ни тошнота, ни другія обстоятельства и невозможность одѣться, не спасали дочерей отъ корсета и выѣзду. Вы согласитесь, что это также благоразумно и чадолюбиво, потому что оно дѣлалось

собственно для нихъ же, для дѣтей: ихъ надобно показать гдѣ только къ тому есть случай. Тогда не принималось ни какой отговорки: должно было одѣться, ъхать, улыбаться, глядѣть на всѣхъ весело, заманчиво, любезничать. Если носили въ домъ на рукахъ женишка, то уже долгоногому не было пощады: и не гляди на него! и не говори съ нимъ теперь! Влюбляйся тамъ на—просторѣ и на—свободѣ, когда никого нѣть; а теперь сюда держись, сюда носомъ, туда кормой, правь по компасу и не сбивайся съ румба: вотъ тебѣ маякъ! Если, — что случалось впрочемъ очень рѣдко и, можетъ—быть, всегда раза два три, — если слишкомъ строгій порядокъ въ домѣ выводилъ наконецъ которую—нибудь дочь изъ терпѣнія, и она, наслышавшись отъ какой—нибудь подруги о томъ, какъ то или другое водится въ другихъ домахъ, пыталась завести какой—нибудь толкъ и порядокъ, въ бѣльѣ ли, въ чемъ ли другомъ, то Анна Мироновна останавливалась ее въ ту же минуту и говорила: «Вздоръ! Чтобы я распоряженій твоихъ въ домѣ и не видѣла и

не слыхала! Ты бы, сударыня, изволила напередъ позаботиться, чтобы порядочный человѣкъ къ тебѣ присватался, да не покинула бы опять послѣ, по твоей же глупости: да тогда и распоряжайся у себя въ домѣ какъ хочешь. Какъ жили донынѣ, такъ будемъ жить и впередъ.<>>

ГЛАВА ОСЬМНАДЦАТАЯ.

Отъ дому Калюжиныхъ и до квартиры
Чайкина, черезъ большую улицу и рынокъ,
за вторымъ переулкомъ.

И такъ, вотъ вамъ этотъ знаменитый, хлѣбосольный домъ Калюжиныхъ, домъ, вамъ, конечно, уже знакомый, потому что, повторяю, онъ есть въ каждомъ порядочномъ городѣ Руси.

Время было, о ту пору какъ я прибыль въ Алтыновъ, для Калюжиныхъ, надо думать, тяжелое: старшую дочь отдали благополучно за вице-губернатора; другую, съ помощью зятюшки, старались пристроить за одного изъ совѣтниковъ,

который быль уже поставленъ въ такое положеніе, что рѣшительно не зналъ что дѣлать и какъ быть, и съгоря запиль, чего, говорять, съ нимъ прежде не бывало. Этимъ счастливымъ обстоятельствомъ воспользовались, и когда Артемій Семеновичъ началь приходить въ себя, то ему сказали, что онъ — женихъ Мары Калюжиной и что вице-губернаторъ очень хлопочетъ о представлениі его къ награжденію землею по чину.

У Калюжиныхъ стояли на всѣхъ концахъ города махальные, которые извѣщали Анну Мироновну обо всемъ происходящемъ. Кромѣ-того, домъ Калюжиныхъ быль угольный; окна во все лѣто растворены настежь: такъ уже и сквознымъ вѣтромъ заносило всѣ вѣсти, которыя летали безъ хозяина по городу. Изъ пяти домашнихъ караульныхъ, три, по-крайней-мѣрѣ, стояли постоянно на часахъ у оконъ, чтобы видѣть все, что дѣлается на улицѣ, кто прошелъ, кто проѣхалъ, куда, кто кому кланяется, кто нѣть, и прочая. Вы видите, что тутъ не доставало часовыхъ и на двѣ смѣны,

полагая три притина; но бѣдненськія барышни обмогались какъ могли и только по праздничнымъ днямъ ставили за ворота, въ помошь себѣ, передовой постъ, ведить, состоявшій изъ двухъ дѣвокъ и человѣка: полныя и законныя три смѣны.

Всѣ вновь пріѣзжіе пользовались особенною милостью и привѣтливостью въ домѣ Калюжиныхъ. На другой, много третій, день пріѣзду новаго чиновника, его приглашали къ Калюжинымъ къ обѣду; при прощаньѣ приглашали за—просто по вечерамъ; и на слѣдующій вечеръ, если онъ самъ не являлся, за нимъ посылали; при третьемъ посѣщеніи, ему вручались пять альбомовъ дѣвицъ Калюжиныхъ, съ просьбою написать или нарисовать что—нибудь; а потомъ уже дѣло шло обыкновеннымъ порядкомъ.

Я не хотѣлъ заводить въ Алтыновѣ обширнаго знакомства, отнѣкивался въ—особенности, по слухамъ и какому—то предчувствію, отъ дома Калюжиныхъ; но меня наконецъ позвали туда какъ врача. Разумѣется, что тутъ не было для меня ни какого поводу отговариваться: я пошелъ.

Посѣщеніе это кончилось знакомствомъ моимъ въ домѣ. Все было уже такъ искусно и мило подведено и подготовлено, что мнѣ и тутъ не осталось ни одной уловки, если я не хотѣлъ быть просто неучемъ и грубымъ. Вторымъ слѣдствіемъ этого приглашенія, гдѣ лекарское званіе мое служило только благовиднымъ предлогомъ, было то, что господа члены управы сильно противъ меня возопіяли и требовали отъ меня отвѣту, какъ я смѣю втиратъся въ ихъ практику и принимать на себя чиновныхъ больныхъ, когда тутъ есть врачи по—старше меня и сверхъ—того еще мои начальники; какъ я смѣю быть совмѣстникомъ непосредственного начальства моего. «Это—де, при первомъ попутномъ случаѣ, можетъ обойтись подчиненному дорогонько». Между—тѣмъ и третье слѣдствіе, необходимое при знакомствѣ въ домѣ Калюжиныхъ холостаго человѣка, не замедлило вскорѣ оказаться на—дѣлѣ. Не знаю, съ котораго конца начать быль эту: она какъ—то запутана. Поводу я, право, не подаль къ ней ни какого, развѣ только тѣмъ, что также расписался и разрисовался

въ пяти альбомахъ барышень: но что же вы будете дѣлать, коли вамъ ихъ подносять? Не сказать же — «Пишите сами!»

И такъ, я ни какого грѣха не замышляль, ни о чемъ не думалъ, бываль разъ въ недѣлю у Калюжиныхъ, на—ряду со множествомъ другихъ: вдругъ слышу, что меня, не только пустили по городу женихомъ, но что даже у Анны Мироновны съ зятемъ, вице—губернаторомъ, вышла маленькаяссора изъ—за меня. Онъ противится этому союзу, обѣщаетъ найти жениха по—чище меня, и не желаетъ родниться съ отставнымъ солдатомъ, который угодиль какъ—то въ уѣздные лекаря; а она настаиваетъ, хотеть отдать за меня дочь, «которой—де отъ счастья своего не бѣгать, а нынѣ время такое, что за женихами не набѣгаешься». Все это казалось мнѣ до времени очень забавнымъ, и я сталъ только бывать у Калюжиныхъ еще рѣже прежняго и только въ такие дни, когда собиралось тамъ много, и наконецъ почти отсталъ вовсе. Въ городѣ, гдѣ два дома разссорились за то, что одна барыня сказала: «Ахъ, какой вы крѣпкій чай

дѣлаете!» — а другая отвѣчала сухо: «Для гостей своихъ я ничего не жалѣю,» — и слово за словомъ, разошлись или разъѣхались турехтанами; гдѣ, кромѣ—того, какъ извѣстно, какой—то безплотный бѣсъ, въ видѣ вихря, носить по городу и перепутываетъ на каждомъ перекресткѣ городскія вѣсти и сплетни; въ такомъ городѣ, подумалъ я, не убережешься отъ этихъ швей: пусть ихъ плетутъ! Но этимъ я не отдѣлался.

Я жилъ въ низенькомъ домикѣ безъ палисадника. Улицы въ этой части города такъ широки, что бабы лѣтомъ черезъ улицу другъ другу въ окно горшки на ухватѣ передаютъ. Передъ окнами моими нанесло огромный сугробъ снѣгу, а его прикрыли еще пластомъ навозу. Весна пришла; я растворилъ рано окна; а между—тѣмъ по улицамъ не было еще проѣзду на колесахъ. Семейство Калюжиныхъ, маменька съ четырьмя дочками, сѣли въ огромный возокъ и отправились по этой распутицѣ съ визитами. Ёдуть онѣ по моей улицѣ, взобрались на знаменитый сугробъ мой, а оттуда кучерь возьми да и вывали

ихъ прямо ко мнѣ въ окно. Я сидѣлъ въ халатѣ за работой въ сосѣдней комнатѣ, но, услышавъ страшный крикъ въ окнѣ своемъ, успѣлъ еще во—время подскочить, чтобы принять подъ—руки незваныхъ и нежданыхъ гостей. Въ самомъ дѣлѣ, имъ нельзя было вылѣзть иначе изъ возка какъ прямо ко мнѣ въ окно. Разъ, два, три, четыре: пятая сама Анна Мироновна. Всѣ, слава Богу! Народъ сбѣжался; возокъ поставили на ноги, подали подъ крыльцо, и я гостей своихъ выпроводилъ. Разъ, два, три, четыре: пятая сама Анна Мироновна. Слава Богу, всѣ!

Это происшествіе, въ которомъ я, право, столько же виноватъ какъ и вы, разнеслось сейчасъ же по всему городу, надѣлало много шуму, толковъ, а меня, который не бывалъ уже болѣе мѣсяца въ домѣ Калюжиныхъ, изъ благодарности пригласили къ обѣду и на вечеръ, и взяли съ меня слово быть непремѣнно. Анна Мироновна рассказывала чудеса обѣ отчаянной неустрашимости моей какъ я спасаль ихъ изъ—подъ опрокинутаго возка, — хотя, по правдѣ сказать, мнѣ

оставалось только открыть окно свое, и вся поклажа, весь грузъ вывалился въ мою комнату. Я быль при этомъ лицо страдательное. Но странно, какъ, нѣсколько дней сряду послѣ этого происшествія, весь городъ тѣсnilся болѣе обыкновенаго въ гостиную Калюжиныхъ, какъ—будто любопытствуя взглянуть на нихъ послѣ визита уѣздному лекарю, тѣ ли онѣ, какія были. А еще страннѣе, что господинъ вице—губернаторъ счель за нужное подослать ко мнѣ послѣ этого знакомаго со мной чиновника своего, съ объявленіемъ, чтобы я и не думаль о невѣстѣ изъ дому Калюжиныхъ, что «этому—де не бывать». Я глядѣль долго, вопросительнымъ знакомъ въ натурѣ, на пріятеля моего и не зналъ, хотѣть ли мнѣ, или сказать пошлую грубость. Наконецъ я сдѣлалъ и то и другое; я расхохотался и спросилъ его: «Развѣ есть въ Алтыновѣ обычай, сватать непремѣнно тѣхъ дѣвицъ, которыхъ кучерь вздумаетъ вывалить къ вамъ въ окно?» — Пріятель замѣтилъ, что я однако же сватался на Прасковьѣ Герасимовнѣ, и что я нынѣ возобновилъ

предложеніе свое. Я отвѣчалъ прямо, что это — нагольная ложь, когда тотъ увѣрилъ меня, что онъ обѣ этомъ самъ слышалъ отъ Анны Мироновны и былъ свидѣтелемъ споровъ ея по сему предмету съ зятемъ, то я въ ту же минуту одѣлся и пошелъ къ вице—губернатору самъ.

— Что скажете, почтеннѣйшій?

— Я пришелъ къ вамъ съ страннымъ объясненіемъ: но какъ быть! извините меня. Вы приказывали сказать мнѣ подъ—рукою, что не желаете, не допустите брака одной изъ свояченицъ вашихъ съ уѣзднымъ лекаремъ. Свидѣтельствую передъ вами, что уѣздный лекарь этотъ никогда не думалъ льстить себя такой несбыточной надеждой, что онъ даже никогда не желалъ, не искалъ этого, и слѣдовательно ничѣмъ не угрожалъ вашему семейному спокойствію.

— Какъ? спросилъ вице—губернаторъ, сблизивъ и нахмуривъ брови.

— Такъ, отвѣчалъ я: никогда не думалъ обѣ этомъ, и первое слово слышу сегодня отъ пріятеля моего, почему и счель

долгомъ лучше сейчас съ вами объясниться.

— Вы однако же имѣли намѣреніе, то есть, желаніе, продолжаль вице-губернаторъ: и, можетъ—быть, оставили его, какъ человѣкъ благоразумный, который...

— Который, прерваль я: никогда обѣ этомъ не думалъ, никогда и никому на свѣтѣ ничего подобнаго не говориль, никогда, сколько знаеть, не подавалъ къ такимъ сплетнямъ ни малѣйшаго поводу: и только!

Его высокородіе походили взадъ и впередъ, заложивъ руки въ карманы, промычали раза два отрывисто букву м, потомъ вдругъ обратились ко мнѣ съ просьбой, чтобы это все осталось между нами.

— Я въ дѣлѣ этомъ, сказалъ я, человѣкъ посторонній. Не спросите вы меня, и я бы ничего обѣ немъ не зналъ, не только не говориль. Но что же теперь, когда сплетня получила, по—видимому, такую гласность, прикажете мнѣ отвѣтить тѣмъ, которые заблагоразсудятъ спросить меня обѣ ней съ такою же откровенностью какъ вы?

— Послушайте..... сказалъ вице–губернаторъ. А какъ почтенное имя и отчество ваше, позвольте узнать?

— Вакхъ Сидоровъ.

— Виноватъ, извините меня. Послушайте жъ, любезный Вакхъ Сидоровичъ: сами вы изволите видѣть, дѣло щекотливое. Рѣчь идетъ о доброй славѣ дѣвицы одного изъ первыхъ домовъ здѣшнихъ. Скажите, что вамъ отказали. Вамъ можно современемъ доставить покровительство: вы знаете, безъ этого молодому человѣку служить трудно!...

Я поглядѣлъ нѣсколько времени на этого уѣзднаго лекаря изъ податнаго состоянія, передъ которымъ стоялъ вице–губернаторъ со звѣздой въ видѣ какого–то просителя, и забылъ на–время, что я самъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ этой комедіи. Я опомнился, когда вице–губернаторъ стала просить меня убѣдительнѣе и обѣщать еще съ большимъ жаромъ высокое покровительство свое.

— Не для того, Иванъ Степановичъ, сказалъ я наконецъ: что вы обѣщаете мнѣ лестное покровительство свое: я обходился

безъ него и не при такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ живу нынѣ; не потому, что она дѣвица изъ первого дому въ Алтыновѣ, а я изъ послѣдняго въ Комлевѣ; а просто такъ, безъ всякихъ причинъ, извольте, я сдѣлаю: я буду говорить, что мнѣ отказали. Но потрудитесь уже взять на себя извинить меня передъ Анной Мироновной: я у нихъ въ домѣ болѣе бывать не могу.

Вице-губернаторъ облобызаль меня и проводилъ до передней. Черезъ два дня вышла страшная сплетня, которую пересказать въ подробности не поворотится языкъ, да и не стоитъ того: изъ благодарности къ поступку моему, рассказывали обо мнѣ ужасныя и безпримѣрныя злодѣянія, ухищренія, происки, черные поступки всѣхъ родовъ, «вслѣдствіе—де коихъ мнѣ и было вдругъ отказано, не только отъ бывшей невѣсты моей, но и отъ дому Калюжиныхъ»; предостерегали весь городъ не знаться и не водиться съ такимъ неблагодарнымъ злодѣемъ, «который—де былъ принять въ домѣ, обласканъ какъ свой, и прочая и

прочая, и наконецъ отблагодариль такимъ чернымъ поступкомъ». Листки мои во всѣхъ четырехъ альбомахъ были, по приказанію маменьки, вырваны и преданы поруганію; наконецъ призывали тайно какую–то знахарку, кто говориль для привораживанья моего, кто говориль для мести, чтобы напустить на меня корчи и сухотку.

Я почти лишнимъ считаю прибавлять еще какое–нибудь поясненіе: наглая сплетня о сватовствѣ моемъ изобрѣтена и распущена была первоначально самою Анной Мироновной, съ тѣмъ, первое, чтобы въ городѣ заговорили о новомъ женихѣ въ семействѣ Калюжиныхъ, — мѣра, признанная издавна полезною и потому повторяемая у Калюжиныхъ, какъ во время–оно чистительныя средства около первого числа каждого мѣсяца; второе, чтобы понудить другихъ жениховъ приступить по–рѣшительнѣе къ дѣлу; третье, наконецъ, чтобы приготовить себѣ на всякий случай убѣжище: если, то есть, мѣра по первымъ двумъ статьямъ оставалась бы недѣйствительною, то

сдѣлали бы изъ подставнаго жениха заправскаго, настоящаго, постарались бы придать дѣлу такую степень гласности и запутать нарѣченнаго со всѣхъ сторонъ подосланными людьми и подведенными штуками, такъ что бѣдняку, въ самомъ дѣлѣ, ничего бы не оставалось, какъ жениться, если онъ не хотѣлъ бѣжать съ этого свѣта куда-нибудь на другой или по крайней-мѣрѣ въ другую губернію.

Я далъ вице-губернатору слово принять все это на себя и сдержалъ его. Впрочемъ, вѣроятно, и независимо отъ этого, и противъ воли моей, вся вина упала бы на меня: одинокому и ничтожному по чину и званію человѣку слишкомъ мудрено было бы состязаться въ доброй славѣ и имени съ такимъ почетнымъ и хлѣбосольнымъ домомъ, каковъ былъ въ Алтыновѣ домъ Калюжиныхъ.

Я отставалъ отъ общества все болѣе и болѣе, жиль бѣдно и тѣсно однимъ жалованьемъ своимъ, и посвятиль все время свое, весь досугъ, книжнымъ и письменнымъ занятіямъ и больнымъ тѣхъ званій и сословій, которые нелегко

находять необходимую для нихъ помошь и пособіе. Вся безвозмездная практика Алтынова и его окружности была у меня на рукахъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Объ огурцахъ, моркови, тыквахъ, картофелѣ, и другихъ предметахъ роскоши.

Однажды, утромъ, ко мнѣ заходить Негуровъ, который, вышедши, какъ я сказывалъ, в отставку, нашель давно уже очень хорошее и выгодное мѣсто; управляя имѣніемъ образованного и благомыслящаго вельможи, проживающаго въ столицѣ, и быль доволенъ судьбой. Съ нимъ, съ Негуровымъ, я иногда отводиль душу, и когда онъ бывалъ въ городѣ, то всегда меня навѣщаль.

Негуровъ сдѣлался замѣчательнымъ хозяиномъ, и его образъ мыслить, судить, образъ дѣйствій, смыщеность истинно русская, меня всегда чрезвычайно занимали и привлекали. Я слушаль его по цѣльямъ

часамъ, и здравыя сужденія, необыкновенно удачно приспособленныя къ обстоятельствамъ и выраженные плавною, чистою русскою рѣчью, плѣняли меня какъ ребенка. Помню, онъ говорилъ въ этотъ достопамятный для меня день о причинѣ упадку помѣстій и о нравѣ русскаго крестьянина.

«Большая часть хозяевъ и промышленниковъ нашихъ, говорилъ онъ, двухъ родовъ, старовѣры и модники, выскочки. Первые тупы, упрямы, держатся съ изувѣрствомъ безтолковыхъ учрежденій и распоряженій закоренѣлого предразсудка; вторые изображены Крыловымъ очень удачно въ баснѣ «Огородникъ и филосовъ»: они выписываютъ мастеровъ, управителей изъ-за границы, въ полной увѣренности, что коли онъ Нѣмецъ или Французъ, такъ долженъ все знать и все умѣть, и не замѣчаютъ того, что къ нимъ Ѣдутъ изъ-за моря одни выжимки, соръ и бракъ, люди, которымъ тамъ уже некуда дѣваться. Другое, не менѣе важное, обстоятельство: у отца пять сотъ душъ и имѣніе въ порядкѣ; стариkъ живеть

бариномъ; у него, по обычаю, тридцать человѣкъ дворни, своя охота, своя музыка, свои пѣвчіе. Тремъ сыновьямъ его достается каждому сто шестьдесят шесть и двѣ трети души: а каждый изъ нихъ непремѣнно хочетъ жить, какъ жилъ отецъ! Они не привыкли жить иначе, по–крайней–мѣрѣ съ–издѣтства привыкли слышать и думать, что въ свою очередь заживутъ барами: какъ отъ этой завѣтной мысли отказаться! допустить, чтобы всѣ сосѣди говорили: «Старикъ жилъ не такъ, жилъ открыто; у него было то, другое, третье; у сыновей нѣть этого ничего; они живутъ мелкопомѣстно!» И куда дѣвать имъ дворню эту, избалованную, гульливую, праздничную, непривычную къ работѣ, если бы они, сыновья, и вздумали жить по–хозяйственнѣе? Нашъ родъ хозяйства таковъ, что огромная дворня обѣсть въ нѣсколько лѣтъ и богатаго помѣщика, какъ червь или кобылка, а помѣщика средней рукѣ огложеть кругомъ. Далѣе: кромѣ Демидова, у котораго вообще управлѣніе въ Тагилѣ можетъ называться образцовымъ, у насъ почти нѣть въ Россіи помѣщика, у

котораго крестьяне были бы обеспечены надлежащимъ образомъ запасами, на случай голоднаго года. Урожай — хлѣбъ продается за безцѣнокъ; неурожай — и бѣдѣ нечѣмъ пособить: вся выручка трехъ, четырехъ прошлыхъ лѣтъ не можетъ прокормить нась втеченіи одного бѣдственаго года, потому что денегъ, если бы онъ и были еще на-лицо, ъсть нельзя, и чѣмъ болѣе вы выпустите въ такой годъ денегъ, тѣмъ болѣе вздорожаетъ хлѣбъ, но его не сдѣлается болѣе, запасовъ не прибудетъ. Ясно, что достаточные запасы хлѣба съ году на годъ предупредили бы это бѣдствіе и могли бы поддерживать всегда уравнительныя, среднія цѣны, именно какъ это дѣлается въ Тагилѣ. Дешевъ хлѣбъ, не продавай его, а дорогъ, не набавляй черезъ мѣру цѣны: и выгода все у тебя будетъ та же. Но хозяйство наше всегда устроено на одни сутки; мы искони перебиваемся съ весны на весну и, безъ наличной выручки къ сроку, не можемъ прожить трехъ дней.

«Надобно также умѣть совладать съ мужикомъ нашимъ; надобно для того научиться, не только грамматикѣ и

риторикъ его, то есть, языку, но и логикъ. Да, у него логика своя. Онъ готовъ повѣрить всякую минуту самому безсмысленному вздору, если вы подкрѣпите болтовню свою его логикой, и, наоборотъ, не повѣрить очевидной логикъ, если не съумѣете его убѣдить. У насъ это большое горе, что не умѣютъ говорить съ чернью: говорять съ нею или съ—высока, такъ что она не можетъ ничего понять, или какъ съ животными, со скотомъ. Мужикъ не вѣритъ предохранительной оспѣ, не вѣритъ пользѣ отъ картофелю и другихъ овощей, не вѣритъ никакому новому и лучшему порядку въ управлениі, а готовъ вѣритъ, что предохранительную оспу пустиль на свѣтъ антихристъ, что картофель — порожденіе сатаны, что моровая язва летаетъ уткой, а хвостъ у нея змѣиный, или бѣгаеть ночью оборотнемъ по селу, или заходить въ стадо подъ видомъ пригульной не извѣстно откуда скотины. Мужикъ, не призадумавшись, повѣрить любому вралю, что всѣхъ вызываютъ на переселеніе къ сытовымъ водамъ и медвянымъ берегамъ. Нелегко онъ вамъ

повѣрить въ какомъ бы то ни было полезномъ для него же изобрѣтеніи, а еще труднѣе будетъ вамъ убѣдить мужика въ пользѣ этого дѣла и заставить принять, перенять и примѣнить его; но онъ повѣрить вамъ тотчасъ, на—слово, что есть такие знахари, которые не орутъ, не сѣютъ, а такое слово знаютъ, что сыты бываютъ; и прочая.

«Я могу вамъ разсказать много подобного и изъ собственного опыта моего, изъ нынѣшняго моего хозяйства. И я колочусь съ ними иногда какъ рыба обѣ ледъ. Напримѣръ, у насъ лошадей воруютъ у мужиковъ безпрестанно, а пастуха держать не соглашаются: лучше пускаютъ лошадей все—таки на—авось. Овцѣ гоняютъ въ одномъ стадѣ съ коровами, потому что держать особеннаго пастуха для овцѣ стоитъ по двадцати копѣекъ съ овцы, чего крестьянинъ заплатить не согласенъ: между—тѣмъ, коровы безпрестанно давятъ и топчутъ овцѣ, особенно ягнятъ. Не проходитъ лѣтомъ двухъ недѣль, чтобы не задавили по—крайней—мѣрѣ одного: все это не наука, не убѣжденіе; все—таки всякой

пускаетъ овцу свою на—авось въ коровье стадо. Огородовъ нѣть у крестьянъ; бакчей нѣть; кромѣ хлѣба своего, не сѣютъ ничего и сѣять не хотятъ. Мало этого: я сѣю овощей много и, чтобы захотить крестьянъ, отдалъ имъ прошлаго года цѣлый загонъ готовой моркови и сотни двѣ тыквъ, сказавъ старостѣ, чтобы онъ раздѣлилъ это на всѣхъ. Что же, вы думаете? Морковь погнила вся въ землѣ, тыквы померзли и пропали: никто не потрудился воспользоваться этимъ; ни одинъ человѣкъ не поѣхалъ набрать тыквъ, не послалъ ребятишекъ нарыть моркови, — отъ лени и отъ упрямства. Но если вы думаете, что крестьяне мои не ъѣдятъ тыквъ и моркови, то ошибаетесь: удѣльные крестьяне, по—сосѣдству, сѣютъ много овощей всякаго роду и развозятъ ихъ по деревнямъ; когда къ моему мужику привезутъ подъ окна возъ моркови, то мужикъ береть ее, не только за деньги, коли онъ у него есть, но, что хуже того, беруть мѣрку моркови за мѣрку муки; между—тѣмъ морковь стоитъ десять копѣекъ, а мука — полтину; и этого вы

мужику не растолкуете людской логикой: онъ говорить свое: — «Отдать муку, такъ деньги дома». Крестьяне мѣняютъ такимъ образомъ и тыквы и огурцы и свеклу, а сами не разводятъ... все за недосугомъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Отъ предметовъ хозяйства и до самаго конца разсказа съ попутными замѣчаніями о чеботарномъ ремеслѣ.

Между—тѣмъ, какъ мы толковали съ Негуровымъ, вошелъ стариkъ чеботарь, отставной солдатъ, который всегда въ Алтыновѣ на меня работаль. Негуровъ поздоровался съ нимъ и прибавилъ, обращаясь ко мнѣ: «Славный стариkъ, тезка и однопрозванецъ твой. Я его люблю.» — Какой тезка? спросиль я. Это рѣдкость: я немнogo встрѣчалъ на Руси тезокъ. Развѣ и тебя зовутъ Вакхомъ? — «Нѣть отвѣчалъ тотъ: Сидоромъ». А Негуровъ прибавилъ: — Онъ однопрозванецъ твой, — Чайкинъ.

Чайкинъ! и Сидоръ Чайкинъ!... Меня вдругъ будто обдало кипяткомъ съ головы до ногъ. — Да откуда ты родомъ? спросиль я робко, почти проглотивъ словечко ты. — «Изъ Комлева,» отвѣчалъ стариkъ, и принялся—было снимать у меня съ ноги мѣрку, закусывая мѣтки зубами.

Изъ Комлева и Сидоръ Чайкинъ!... Вѣщее не даромъ во мнѣ вздрогнуло: это точно былъ мой отецъ! Лѣть пять жилъ онъ уже въ Алтыновѣ, куда случай его занесъ; два года постоянно на меня работаль, и теперь только объяснилось, что это былъ родной мой отецъ. Тридцати—лѣтнія похожденія его были очень просты: онъ былъ отданъ въ Лебедяни въ солдаты какъ бродяга, прибывъ на ярмарку, въ надеждѣ на авось, безъ паспорта и связавшись съ другимъ барышникомъ или, лучше сказать, конокрадомъ, который поручилъ ему продажу краденыхъ лошадей, чего отецъ мой и не зналъ, и втянуль и запуталъ его въ дѣло. Прослуживъ законный срокъ, батюшка былъ уволенъ въ отставку; а какъ у него въ Комлевѣ не было ни кого изъ своихъ, то онъ и остался на перепутьѣ въ

Алтыновъ и зарабатывалъ хлѣбъ свой ремесломъ, которому выучился на службѣ. Старикъ никакъ не хотѣлъ вѣрить яснѣйшимъ доказательствамъ моимъ, что я точно сынъ его: дѣло казалось ему баснословнымъ. Наконецъ онъ расплакался какъ ребенокъ и, утирая слезы, говорилъ безъ-умолку, разсказывая всѣ похожденія свои въ какомъ-то полу-нервическомъ раздраженіи чувствъ и духа.

Можете себѣ представить, какого это надѣлало шуму въ Алтыновѣ, когда разлилась вѣсть, что чеботарь Сидоръ оказался роднымъ отцомъ уѣзднаго лекаря! Одна изъ записныхъ вѣстовщицъ, до которой всѣ новости доходили всегда ранѣе чѣмъ до всѣхъ прочихъ, разумѣется, задушевная пріятельница Анны Мироновны Калюжиной, прїѣхала къ этой спустя не болѣе часа послѣ описаннаго случаю; прїѣхала, запыхавшись, къ Калюжинымъ, и какъ въ домѣ еще было рано, то она захватила всѣхъ въ-расплохъ и между прочимъ застала въ передней дѣвку и лакея, сестру и брата, въ какой-то скорѣ. Гостья эта сдѣлала въ ту же минуту

расправу, давъ имъ обоимъ по пощечинѣ и нѣсколько назидательныхъ уроковъ, и затѣмъ прошла, чреватая нежданною новостью и вѣстью своею, прямо въ покой Анны Мироновны, гдѣ и разрѣшилась мгновенно и благополучно отъ бремени своего. Только при прощаньѣ она, увидѣвъ опять ту же дѣвку, сказала мимоходомъ: «Я у васъ, матушка Анна Мироновна, разобрала и помирила людей. Єомка бранился вотъ съ сестрой, и чуть не подрались. Нѣть, не беспокойтесь: я уже покончила это дѣло».

— Видите, я всегда вамъ говорила, что эта Чайкинъ — преподлый человѣкъ, отвѣчала Анна Мироновна, когда она опомнилась отъ изумленія, и потомъ закричала: — Дѣтки, дѣтки! — подите сюда! и когда барышни, пошаркивая отопочками своими и поддерживая и прихватывая, гдѣ надобность была, свои блузы и капоты, вошли, то она разсказала имъ мое происхожденіе съ какимъ-то видомъ наставленія и поученія, приказывала впередъ всегда остерегаться такихъ случаевъ, и еще разъ освѣдомилась, не

осталась ли какая—нибудь память обо мнѣ въ которомъ—нибудь альбомѣ. Инспекторъ управы, какъ ближайшій начальникъ и покровитель мой, призвалъ меня, когда вѣсть дошла до него частнымъ образомъ, и глазъ—на—глазъ, разспросилъ обо всемъ подробно, приговаривая. «Да какъ же это такъ!» и, пожимаясь то въ ту то въ другую сторону, какъ—будто его жгло то тутъ то тамъ, или что—нибудь такое беспокоило; наконецъ, убѣдившись въ истинѣ дѣла, совѣтовалъ мнѣ, съ видомъ покровительства, отправить, коли ужъ это такъ случилось, старика своего по—тихоньку домой на родину. Нашъ инспекторъ управы былъ также въ своемъ родѣ человѣкъ: онъ черниль искусно густые, сѣдые волосы свои, употребляль много притираний и разныхъ косметическихъ средствъ и снадобій, одѣвался и убирался каждое утро часа два, запираясь одинъ на—замокъ, выступалъ очень важно и величаво, любиль цѣпочки, печатки, перстни, кольца и булавочки съ мушками и козявками, помѣстиль самъ себя врачомъ при больницѣ, богадѣльнѣ, въ

приказъ, при гимназіи, семинаріи, словомъ, при всѣхъ заведеніяхъ въ Алтыновѣ, гдѣ только было хоть маленькое жалованье; доносиль всегда подробно о своихъ обширныхъ занятіяхъ, и въ круглый годъ не заглядывалъ ни одного разу никуда. По важности чину его и мѣста, это и дѣйствительно было бы неприлично: больнымъ уже легко было и отъ того, что онъ тамъ числился. Тамъ всѣмъ завѣдывали фельдшера, и даже писали по формѣ скорбные листы и названія болѣзней на досчечкахъ. И такъ, онъ посовѣтовалъ мнѣ отправить отца скорѣе на родину его.

— Кому же онъ здѣсь мѣшаетъ? спросилъ я.

— Ну, оно.... видите, не ловко. Какъ же вы хотите жить въ одномъ городѣ съ родственникомъ изъ такого сословія!.... Разсудите! Я совѣтую вамъ начальнически. Это можетъ вамъ повредить, такъ—сказать....

— Если бы я жилъ съ отцомъ и впередъ какъ доселѣ, когда не зналъ его, врознь въ одномъ городѣ, продолжалъ я: тогда, конечно, это могло бы дать невыгодное обо

мнѣ понятіе; но какъ мы отнынѣ со старикомъ уже не разстанемся и будемъ жить вмѣстѣ, то я не вижу тутъ ни какого неудобства.

Инспекторъ посмотрѣлъ на меня въ какомъ-то недоумѣніи; потомъ, приподнявъ брови, отвернулся, кашлянулъ раза два и чихнулъ притворно; что онъ дѣлалъ впрочемъ съ большимъ искусствомъ въ критическихъ положеніяхъ, когда хотѣлъ вдругъ перемѣнить или оторвать разговоръ. Помолчавъ не много, я прибавилъ еще:

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, обстоятельство это не будетъ беспокоить никого, ни даже васъ, Сергѣй Сергѣевичъ, если только вы будете, по всегдашнему своему расположенню ко мнѣ, столь добры, что не задержите просьбы моей: я намѣренъ нынѣ же подать въ отставку.

У Сергѣя Сергѣевича отлегло много отъ сердца, когда онъ это услышалъ: ему съ меня, какъ съ козла, не было ни шерсти ни молока, и это ему давно уже надоѣло. Придиркамъ всѣхъ родовъ не было конца, по-временамъ только онъ снова мирился со мною, по какому-нибудь особому поводу,

давалъ мнѣ много хорошихъ наставлений, и надѣялся, что у насъ впередъ дѣла пойдутъ лучше; а впослѣдствіи, когда я, по недогадливости своей, не заправляль ихъ ничѣмъ, всегда возникали опять новыя неудовольствія.

Я вышелъ въ отставку вотъ по какому поводу. Негуровъ, учредивъ въ имѣніи порядочное управление, вскорѣ пріобрѣль довѣренность и уваженіе, не только своего помѣщика, но и двухъ трехъ сосѣднихъ. Онъ устраивалъ въ селѣ при заводѣ больницу и убѣдилъ сосѣдей въ пользу послѣдовать примѣру его и взять на первый случай на общиѣ счетъ врача. Такимъ образомъ онъ предложилъ мнѣ мѣсто это, которое вполнѣ обеспечивало меня насчетъ насущной жизни. Съ жаромъ принялся я тутъ снова за свою обязанность и впервые почувствовалъ себя на своеемъ мѣстѣ, могъ жить и дѣйствовать свободно и благодѣтельно въ кругу своего званія, гдѣ никто не перечилъ мнѣ, не искалъ слушаю сдѣлать мнѣ какую-нибудь непріятность, не требовалъ одной только утомительной и бесполезной письменной отчетности, какъ

главнѣйшаго предмету, а гдѣ обращали вниманіе на труды, заботы и успѣхи мои въ пользованіи немощныхъ; гдѣ вникали во всякое благоразумное предложеніе и требованіе мое, и дали полную власть заботиться не только о больныхъ, но и о сохраненіи здоровыхъ. Такимъ образомъ сдѣлали распоряженіе, по которому всѣ женщины въ деревнѣ, на все время беременности своей, освобождались отъ работы; выстроили бани; запретили мочить коноплю въ озерѣ, изъ которого всѣ берутъ воду; завели продажу говядины мѣною на хлѣбъ, чтобы дать всякому средство имѣть чаще мясную пищу; приняли множество мѣръ противъ смертности младенцевъ; и я надѣюсь, что втеченіи многихъ лѣтъ старанія наши покажутъ въ числительныхъ выводахъ пользу всѣхъ этихъ распоряженій.

Вотъ подъ какими обстоятельствами, примѣтами и знаменіями, праздновалъ я, въ кругу семьи Негурова, тридцатое рожденіе свое. Обѣщавъ разсказать повѣсть о жизни моей только за тридцать лѣтъ, за первую половину, я бы долженъ быть на этомъ

закончить нынѣшнія записки свои; но, для полноты дѣла — слѣдуетъ прихватить еще и часть тридцать—перваго года, съ котораго начинается вовсе для меня новая жизнь, новое лѣтоисчисленіе.

Мой добрый безногій Французъ, переходя изъ рука въ руки, попалъ между тѣмъ, куда бы вы думали?... въ домъ къ моему полковнику, у котораго дѣтки подрасли и требовали воспитанія. Французъ всегда писаль мнѣ отъ времени до времени, и описаль съ особеннымъ жаромъ свой торжественный въездъ и входъ на костыляхъ въ домъ моего благодѣтеля. Вѣчно юный сердцемъ, стариkъ описываль мнѣ съ восхищеніемъ, какъ приняли въ домъ полковника бывшаго учителя Вакха Чайкина, съ какимъ уваженіемъ съ нимъ обходились, какъ всѣ не могли имъ нарадоваться. «Да, прибавиль онъ: отставной артиллеристъ «большой арміи», отставной учитель Вашеньки, опять вступилъ на службу, но чувствуетъ, что вскорѣ будетъ отставленъ и уволенъ отъ службы и званія гражданина этого міра, скоро будетъ отставнымъ человѣкомъ.

Старость не бѣда, но дряхлость уже начинаетъ меня по—временамъ коробить, — дряхлость, которая заставляетъ поглядывать иногда мимоходомъ въ готовую яму! Тамъ мое мѣсто, Ваша, тамъ! Это я чувствую; и я бы давно остыль уже, если бы меня не грѣли иногда воспоминанія. Здѣсь, Ваша, есть еще одно солнышко, которое ходить за мною какъ дочь за отцомъ, и это — в честь тебѣ, другъ мой, *honneur aux braves!* Груша кланяется тебѣ, и, признаюсь, сухой поклонъ этотъ по себѣ, безъ этого умнаго, спокойнаго личика — пустая фраза. А я—таки когда—нибудь соберусь и спишу ее, и пришлю тебѣ на показъ темно—русую головку, которая — не можетъ быть, чтобы не оставила въ тебѣ какихъ—нибудь пріятныхъ воспоминаній.

Приписка. «Письмо осталось на недѣлю, не попало на почту, и я посылаю тебѣ обѣщанное сокровище. Видишь, я ребячусь какъ школьникъ и дѣлаю непозволительныя шалости. Не выдай меня, не продай».

Личико это было то же какъ шесть семь лѣтъ тому назадъ, когда оно прожило на свѣтѣ всего лѣтъ пятнадцать или

шестнадцать: дѣтская рѣзвость его только смягчилась умнымъ и спокойнымъ взглядомъ, полнымъ души. Прежнее, былое, пробудилось во мнѣ съ неимовѣрною силою: я заплакалъ какъ ребенокъ.

Я потребовалъ отчету у Француза, какимъ образомъ Груша, которая давно замужемъ, жила опять въ домѣ у полковника, и Французъ отвѣчалъ мнѣ, что она никогда замужъ не выходила: она была помолвлена нѣсколько лѣтъ тому, по настоянію сестры и зятя, но не могла одолѣть отвращенія своего отъ замужства и, по личному объясненію съ женихомъ своимъ, осталась опять свободною.

Продумавъ нѣсколько времени, и переработавъ въ головѣ и въ сердцѣ все это, я объяснилъ своему Французу все, сказалъ, кто я теперь и чѣмъ могу располагать, и поручилъ ему сдѣлать развѣдку и опознаться на мѣстѣ, какъ и гдѣ разсудить, и увѣдомить меня, нѣть ли для меня еще какой-нибудь надежды. Переговоры эти кончились тѣмъ, что я поскакалъ туда самъ, и привезъ съ собою

въ столицу нашу, село Негожево, въ шестидесяти верстахъ отъ Алтынова, молодую жену, Грушу. Француза мы оставили полковнику еще на—время, съ тѣмъ, чтобы онъ пріѣхалъ умирать къ намъ; и онъ свято обѣщалъ исполнить это и вскорѣ. Батюшка живеть, разумѣется, съ нами, но не ъсть хлеба даромъ: онъ еще свѣжъ и здоровъ, и чеботарить преспокойно на весь домъ нашъ, потому что ему сидѣть сложа руки и грѣшно и скучно.

В. ЛУГАНСКІЙ
